

18+

АНДРЕЙ ТРУШКИН

18+

ПЕРВАЯ БОРЬБА ЗА МИР

К Н И Г А В Т О Р А Я

Андрей Трушкин

**Первая борьба
за МИР. Книга вторая**

«Издательские решения»

Трушкин А. Н.

Первая борьба за МИР. Книга вторая / А. Н. Трушкин —
«Издательские решения»,

Это вторая книга серии «Первая борьба за МИР». Ганнибал ведет свое войско в Италию. Римляне готовят свой ответ. При этом ни в странах, бьющихся за мировое господство, ни в окружающих их государствах ни на миг не утихают интриги. Кто примет чью сторону? Что перевесит: чувство долга, желание выжить или жажда власти? Что позволило Риму победить не только на поле боя, но и в закулисных переговорах? Обо всем этом Вы узнаете из серии книг, вторую из которых Вы держите в своих руках.

Содержание

В поход	6
Переправа	31
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Первая борьба за МИР

Книга вторая

Андрей Николаевич Трушкин

© Андрей Николаевич Трушкин, 2026

ISBN 978-5-0070-2023-7 (т. 2)

ISBN 978-5-0069-6113-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В поход

Публию Корнелию Сципиону-младшему казалось, что его в любой момент может начать трясти лихорадка. Эти упражнения с мечом до добра не доведут. Все равно выдающимся фехтовальщиком ему не стать, да и незачем. Не нужно много ума, чтобы размахивать ржавой железкой, а вот для того, чтобы управлять страной, ум пригодится. Конечно, чернь будет славить таких идиотов, как Марк Клавдий Марцелл, которые сходятся в поединке с вождями враждебных народов, но такая слава преходяща. Присылать в Рим богатые трофеи, устраивать игры и бесплатное угощение — гораздо лучшие способы завоевать любовь народа. И менее

опасные, что немаловажно. Окажись вождь галлов Бритомарт удачливее, не было бы у партии Клавдиев сейчас такого сильного лидера, да и дядя снискал бы свою славу, а так остался в тени Марцелла. Одни проблемы из-за этих твердолобых храбрецов. Нет, конечно, в начавшейся войне смельчаки понадобятся, но сам Публий рассчитывает проявлять себя не в гуще сражений. Но пока приходится изображать тренировки с оружием. И что получается? Ноги гудят, спину ломит, пальцы уже не гнутся, а в голове ни одной толковой мысли. Как будто некому махать мечом или метать копья и дротики. Ужасное состояние. Глянув на Гая Лелия, Публий подумал, что если он сам выглядит хотя бы вполтину так, как друг детства, то это чудовищно. А вот Масций покрепче — и меч в его руках прямо порхает, и смотрится он все еще весьма свежим.

Уже который день Публий страдал в лагере отца в окрестностях Рима. Пребывание в лагере разительно отличалось от времяпрепровождения дома — каждый день приходилось переносить тяжелые тренировки, призванные превратить новобранцев в настоящих воинов, готовых сражаться с армией Ганнибала. Еще перед отъездом в лагерь отец с тревогой рассуждал о том, что пунийцы уже опробовали свою армию в боях. Пусть и в противостоянии с варварами, но наемники Ганнибала приобрели боевой опыт, офицеры смогли сформировать слаженные подразделения, а за то время, пока римляне прибудут в Испанию, противник еще более окрепнет. Сципион-старший и хотел бы включить в состав своих легионов более умелых бойцов, но опытные солдаты в приоритетном порядке включались в армию его коллеги Тиберия Семпрония Лонга, которому предстояло переправиться на Сицилию, а затем и в Африку. К тому же в Цизальпинской Галлии случилось несчастье, спутавшее планы отца и вынудившее его отложить отплытие в Испанию. А ведь как был дорог каждый день. Но нет, теперь Сципион был вынужден оставаться в Риме, в то время как Семпроний уже отправился на Сицилию.

А причиной задержки стало восстание галлов на севере. Странное восстание, оно скорее должно было случиться уже после прихода Ганнибала в Италию, но произошло с таким заметным опережением. Возможно, традиционные галльские невоздержанность и нетерпеливость сказались. Бойи напали на триумвиров, распределявших земли между колонистами, и перебили их. Также они убили многих колонистов, вынудив их остатки бежать в Мутину. В результате все северные земли, которые Рим уже привык считать частью Республики, охвачены восстанием, представляющим угрозу уже и коренным землям латинян. Казалось бы, пусть галлы свирепы и храбры, но их народонаселение существенно прорежено предыдущей войной и ее последствиями, в частности, многие были угнаны в рабство, так что претор Манлий не должен был испытывать трудностей при подавлении восстания. Ну и что же сделал этот кретин? Он отправился в длинный переход, безмерно утомив вверенное ему войско. Более того, уже под конец перехода он умудрился втянуться в глухой лес. Даже Публий-младший, не обладая никаким военным опытом, но изучив ряд трактатов по военному искусству, понимал, что это была даже не авантюра, а откровенная глупость. Естественно, в этом лесу незадачливый претор наткнулся на засаду и, потеряв едва ли не половину людей, смог укрепиться в какой-то деревушке. Что еще хуже, он был вынужден бросить обоз, и первое время римляне голодали. Хорошо, что получилось снабжать их по реке Пад, иначе галлы просто заморили бы оставшихся воинов и самого Манлия голодом. При попытке завязать переговоры бойи, сделав вид, что согласны на обсуждение условий, захватили в плен римских представителей. Как назло, одним из пленников оказался посланный с Манлием видный член партии Сципионов Гай Сервилий Гемин, родной брат ближайшего сподвижника отца Гнея Сервилия Гемина.

Конечно, все могло быть и гораздо хуже. В условиях, когда усталое войско безобразно растянулось на лесных тропах, невозможно должным образом организовать разведку. И в такой ситуации честь и хвала римским солдатам, которые, пусть и ценой потерь, смогли прорваться сквозь лес, сохранить остатки дисциплины и организовать оборону. Поскольку на такого командира, как Манлий, рассчитывать не приходилось, воины спасли не только себя,

но и римское влияние в Цизальпинской Галлии. Будь войско уничтожено полностью, вполне возможно, уже и северные города были бы захвачены мятежниками, а там, сохрани Минерва от такого, галлы могли на радостях и двинуться на Рим.

Но в любом случае приятного мало. Ввиду возникшей опасности Сенат постановил направить в Галлию еще одного претора Атилия, которого снабдили легионом, отнятым по такому случаю у отца. Кроме того, Атилию передали практически половину союзнических контингентов, уже собранных Сципионом-старшим. Разумеется, при таких обстоятельствах отправляться в Испанию было невозможно, и консул уже достаточно длительное время был занят набором дополнительных сил взамен направленных на север. Отец злился, негодовал, но ничего не мог поделать — уж очень грозной виделась галльская опасность в условиях войны с Карфагеном. И поэтому Публий-младший с друзьями по-прежнему оттачивали военное мастерство в лагере под Римом.

Командовал группой новобранцев, в которую входили Сципион-младший, Лелий и Масций, Тиберий Фонтей. Ему, как трибуну, не полагалось бы тратить свое время на подобные занятия, но в войске ощущался недостаток опытных офицеров, которые в большинстве своем отправились на Сицилию и в Галлию, а потому он также занимался обучением будущих воинов. Поначалу Публий был рад тому, что предстояло провести время в лагере под командой знакомого офицера, но в настоящий момент он уже проклинал всех вокруг. Демоны подземного мира бы забрали всех этих карфагенян, которым вздумалось провоцировать войну, этих галлов, не будь восстания которых можно было бы уже спокойно сидеть на корабле, этого Тиберия Фонтея, гоняющего молодежь, как Цербер души умерших, этого Масция, размахивающего мечом с видимым удовольствием, да и эту железяку, которая натерла мозоли на руках и все время норовит выскользнуть и куда-то улететь. Окончательно выбившись из сил, Публий махнул мечом мимо мишени и уже собирался зашвырнуть его куда подальше, когда его запястье сжали железной хваткой.

— Спокойнее, молодой господин, не надо давать волю эмоциям, — раздался над ухом негромкий голос все того же Тиберия Фонтея.

Как этот голос сейчас отличался от резких команд, обычно отдаваемых трибуном. Подобная перемена удивила Публия, и он молча уставился на командира.

— Если ты демонстративно бросишь меч, то мне придется тебя наказать. И даже консул не решится избавить тебя от этого перед лицом армии. Но будущему политическому деятелю немисливо получить дисциплинарное взыскание, да еще и во время обучения. У меня об этом строгий приказ твоего отца, прошу, не подводи меня. Я и так даю вашей группе минимальный уровень нагрузок, какой только возможен, — голос Фонтея был откровенно расстроенным.

Трибун дал знак окружающим прекратить занятия и, дабы отвлечь от неприятного эпизода, весело закричал:

— Я смотрю, неженки, вы даже не держитесь на ногах. Так и быть — на сегодня все. Но завтра я спущу с вас шкуру.

Публий мрачно смотрел на бодрого офицера. Злость — плохое чувство в человеке. И оно усиливается, когда люди, находящиеся рядом, испытывают его же — они дополнительно заражают друг друга. Вот и сейчас Сципион-младший, ощущая аналогичные чувства Лелия и, пусть и в менее выраженном масштабе, Масция, был уже готов забыть обо всем и броситься на Фонтея, когда тот неожиданно тихо заговорил:

— погоди, молодой господин. Сперва подумай, почему я, невзирая на свою должность, занимаюсь обучением новобранцев.

Публий не двигался, потому что и в самом деле был вынужден задуматься. Сквозь дикую усталость начала пробиваться обычная проницательность. А офицер, видя задумчивость молодых солдат, с явным удовлетворением продолжил:

— Я выполняю приказ консула, молодой господин. Ты и твои друзья не просто так попали в ту группу, которую тренирую я. И получаете вы минимально возможные нагрузки, которые, с одной стороны, позволят избежать нежелательных пересудов. Но, с другой стороны, и вам самим они необходимы. Там, куда мы направляемся, ваш меч может оказаться единственным средством к спасению, и его надо будет использовать с умом и навыком. И нельзя исключать, что спастись придется вплавь, для этого я и заставляю всех плавать каждый день. Исключительно чтобы сберечь сына консула и его друзей. И не пытайтесь показывать неудовольствие или непокорность — этим вы подведете и себя, и консула. Я не смогу после публичного возмущения уберечь кого-то из вас от наказания — это подорвет авторитет всего командования.

Публий молчал, но чувствовал, что в глубине души он проникается доверием к этому пусть и внешне суровому, но на деле умному солдату, который одновременно поддерживает авторитет отца, оберегает от трудностей его самого, но в то же время и дает навыки, могущие пригодиться в предстоящих суровых испытаниях. И одновременно рискует — мало ли осведомителей Фабиев или Клавдиев вокруг. Друзья молчали, но сам Сципион-младший понимал, что надо что-то сказать. Промолчи он сейчас, и Фонтей посчитает его высокородным гордецом, а Лелия и Масция его бессловесными прихлебателями. А тогда все — трибун затаит в глубине своей плебейской души обиду, и уже не дождешься от него преданности. А она ведь еще пригодится. Поэтому Публий с усилием разжал запекшиеся губы и тихо промолвил — так, чтобы не услышал никто из окружающих:

— Спасибо тебе, Тиберий Фонтей. И прости мое необдуманное поведение. Обещаю за всех троих — никто больше не заставит тебя рисковать так, как сегодня.

Трибун кивнул и уже собирался идти на обход лагеря, которым не пренебрегал еще ни в один из дней, хотя и располагались они в окрестностях Рима, как прибежал вестник и выученно зататорил:

— Трибун, тебя вызывает консул — срочно. И он приказал позвать также Публия Корнелия Сципиона из новобранцев.

То, что приказ отдан столь официально, говорило о том, что случилось нечто важное. Поэтому Тиберий Фонтей, для вида прикрикнув на Публия, отправился вместе с ним в шатер командующего.

Публий Корнелий Сципион-старший находился у себя в претории, и по его расстроенному лицу было очевидно, что он недавно получил плохие вести. Только этим можно было объяснить то, что его оставило обычное волевое выражение, которое он старательно поддерживал с тех самых пор, как стал во главе войска. Действительно, не пристало солдатам, тем более новобранцам, видеть своего полководца в смятении чувств. Сейчас же оно явственно проступало. В претории также находились Гней Корнелий Сципион, отправившийся вместе с армией, и старший жрец. Все были крайне мрачны. И все же консул, едва прибывший трибун отсалютовал ему в соответствии с уставом, начал с общего вопроса:

— Ну что, Фонтей, как там новобранцы? Скоро ли станут настоящими солдатами?

— Обучение идет хорошими темпами, консул. Истинными воинами они станут после того, как побывают в сражении. Но подготовка у них уже неплохая. Это вопрос времени.

— Ну а как мой сын? — продолжил расспросы консул.

— Ему несколько не хватало физической подготовки, но он нагоняет. Это также вопрос времени, господин.

— Ну что же, это все неплохо. Вот только времени у нас совсем нет, — Сципион-старший слегка помял губу и продолжил: — Завтра с рассветом мы принесем жертвы богам за благополучный поход и удачу в борьбе с коварным врагом. А затем немедленно выступим в Остию к нашему флоту. Отправь гонца, только выбери не из болтливых, пусть передаст капитанам, что надо будет держать курс на Массалию. И передай офицерам. Войско должно быть готово

выступить немедленно, как только мы получим от гаруспиков благоприятные предзнаменования. И никто не должен знать, куда мы отправимся из Остии. Это все.

Фонтей отсалютовал и вышел. Публий-младший, не получив указаний лично для себя, остался в палатке и молча ждал слов отца. Но тот лишь смотрел перед собой и как будто забыл о присутствии рядом других людей. Внезапно консул встряхнулся и, подняв глаза на сына, с едва угадывавшейся насмешкой спросил:

— Ну что, как тебе подготовка к военной жизни?

Публий видел веселые смешки в глазах отца. Ему очень хотелось сказать правду о том, что подобные мучения вовсе не нужны будущему политику, но он не знал присутствовавшего в палатке жреца, а потому не решился ответить прямо. С делано виноватым видом он пробормотал:

— Тяжеловато, конечно, консул. Но это необходимо, чтобы не посрамить честь Республики и имя Сципионов.

На этот раз в глазах отца блеснуло одобрение. Ну и отлично, значит, правильно понял Публий эту проверку, не все соображение выбила из него бессмысленная муштра. А консул в это время поднялся, сказал несколько ободряющих слов жрецу и отпустил его готовиться к утреннему жертвоприношению. Сципион-старший несколько раз прошелся в молчании из конца в конец палатки и затем продолжил:

— Ты не подводишь меня, сын. Вот и сейчас ты повел себя правильно. Всегда помни о том, что вокруг тебя не только доброжелательные глаза и уши. Лучше вообще считать, что тебя окружают только недоброжелатели — так безопаснее. Но теперь, когда мы остались вдвоем, лучше поговорить начистоту. Тебя ведь наверняка удивляет конечный пункт нашего плаванья.

— Разумеется. Я думал, что мы высадимся где-нибудь в Тарраконе. Массалия далеко от Испании.

Отец молчал. Он переводил взгляд с брата на сына, и это молчание становилось уже невыносимым. Наконец консул вздохнул и сказал:

— Ганнибал форсировал Ибер.

— Что, когда? — одновременно вырвалось у обоих его собеседников.

— Я получил это известие сегодня. Так что нельзя исключать, что он подошел уже к Пиренеям. Ох, если бы Фабий был лучшим дипломатом.

Публий понимал, о чем говорит отец, и был даже в чем-то солидарен с ним. После объявления войны посольство Квинта Фабия Максима не сразу вернулось в Рим. В городе уже вовсю шли приготовления к боевым действиям, поскольку все ключевые вопросы были решены еще до отправки послов в Карфаген. Фабий был уполномочен на решение других вопросов, крайне важных с точки зрения перспектив. Поскольку единственным реальным вариантом действий для Ганнибала виделось вторжение в Италию с севера, то римляне должны были заручиться поддержкой тех иберов, что проживали севернее Ибера — на территории, неподконтрольной пунийцам, а также трансальпийских галлов. Окажи эти народы активное сопротивление Баркиду, тогда его войско не сможет перейти Альпы до зимы. А, возможно, и застрянет в Испании. А это бы дало отцу время переправиться в Испанию и, усилив свою армию иберами, нанести поражение Ганнибалу. Но боги посмеялись над квиритами и рассудили по-своему.

Единственными, кто с добром встретил римлян, оказались только баргусии, истари ненавидевшие карфагенян. И тут сыграла свою роль вовсе не любовь к римлянам или желание во что бы то ни стало заключить с ними союз. Баргусии считали себя родичами тартессиев, населявших ставший уже полумифическим Тартесс — древнее иберийское царство, жестоко уничтоженное пунийцами. Застарелая ненависть все еще тлела в баргусиях, а потому они приветливо встретили Фабия и заверили его в том, что не собираются сдаваться Ганнибалу и тем более признавать его власть иначе, нежели силой оружия. Но уже у следующего иберийского народа волкиан, которых посетили послы, их ждал совершенно иной прием. Волкианские ста-

рейшины осведомились у Фабия и сопровождавших его римлян о судьбе римского союзника Сагунта, а также о той помощи, которая ему была оказана. Вот и сказалась допущенная ранее ошибка. Теперь многие народы, да и римские союзники в Италии, оценивают то, как пожертвовали римляне Сагунтом, как не оказали ему никакой действенной помощи, как фактически просто использовали для объявления «законной» войны. Публий вновь подумал о том, что многие теперь перебегут к Ганнибалу, уstraшенные его суровостью, а также напуганные нежеланием Рима помогать союзникам, когда ему это невыгодно. С другой стороны, многие испугаются самого Ганнибала. Так что еще неизвестно, кто окажется сильнее в этой борьбе. Ясно одно, у каждой из противоборствующих сторон есть определенные преимущества, римлянам надо грамотно использовать свои. Но сейчас сила на стороне Ганнибала. Не смогут его надолго задержать иберы. А уж про галлов и говорить нечего. Фабий сотоварищи посетили и Трансальпийскую Галлию, но оттуда их фактически выгнали, напомнив, что земли Цизальпинской Галлии ушли в римское общественное поле, а такая перспектива не видится галлам особенно привлекательной. Ганнибал же обещает лишь пройти через земли галлов и не покушаться на их свободу. Единственный римский союзник в западной части внутреннего моря — Массалия. Но она слаба и не задержит Баркида, который почти наверняка не станет тратить зря время на ее осаду и пройдет мимо без остановки.

Все это Публий прекрасно помнил, но отец, скорее всего рассуждая сам с собой, дополнительно повторил, снабдив некоторыми, ранее неизвестными сыну, подробностями. Дядя лишь со вздохом констатировал практически очевидное — теперь надо пытаться задержать пунийцев на юге Трансальпийской Галлии. И достичь изначальной цели — захватить серебряные рудники, поставив у руля своих людей, оказывается уже затруднительно. А если еще галлы и иберы, прельстившись трофеями, решат вступить в войско Ганнибала? С такой силищей могут и не справиться даже две консульские армии. Но тут дядя ошибается — как будто вместе с волосами его голову покинула и часть соображения. Не присоединятся эти народы к пунийцам — они ценят свою свободу и не считают начавшуюся схватку своим делом. А вот свободно пропустить могут. Но тут уже зависит от того, как поведет себя Баркид. Если будет проявлять жестокость, то могут и выступить против него. Знать бы, где он сейчас — с каким запозданием приходят вести. Но отец совершенно прав — теперь в Массалии можно будет ознакомиться с актуальной обстановкой. Поэтому и цель плавания — эта греческая колония.

Отец все так же мерил палатку шагами, но вдруг неожиданно рассмеялся, правда, горечи в этом смехе было куда больше, нежели веселья.

— И все равно, даже при такой скорости действий Ганнибала мы могли бы перехватить его в Испании. Я не думаю, что он так уж легко достигнет Пиренеев и перейдет их. Но галльское восстание и отобранный легион сделали свое дело. Я уже не верю, что галлы взбунтовались сами по себе — их спровоцировали. Вот только вопрос — кто? Наши недруги в Риме или шпионы Ганнибала?

— Я бы предположил пунийцев — им это выгодно, — ответил Гней Корнелий Сципион.

Тут уже Публий не мог смолчать.

— А я не согласен. Ганнибалу было бы выгоднее это восстание, когда его войско уже будет в Италии. Он ведь должен учитывать возможность того, что мы подавим это выступление и разберемся с галльской проблемой. И тогда он не сможет рассчитывать на союзников на севере. А вот Фабий мог на такое пойти. Отобрать легион, заставить нас задерживаться в Италии, отдав инициативу Ганнибалу. Глядишь, без своего главного полководца и карфагеняне не смогут противостоять Семпронию.

— Ну последнее вряд ли, — усмехнулся отец. — Но я согласен с твоим ходом мыслей. Поэтому мы выступаем сразу после принесения жертв. Я бы приказал оставить лагерь сегодня же вечером, а отдохнуть уже на кораблях, но позиции сторонников Фабиев сильны среди авгу-

ров — нас могут отозвать с дороги, если мы пренебрежем сакральностью. Но в любом случае надо действовать быстро. Мы и так потеряли достаточно времени. Это все.

Возвращаясь к себе, Публий восхитился отцом. Да, вроде бы уже чуть потерял хватку, оказался в плену самоуспокоенности. Но даже получив несколько чувствительных ударов, он собран и готов к действиям. Ну что же, теперь только вперед.

* * *

Ну что за нелепый народ эти варвары! Такая мысль крутилась в мозгу Адгербала все последние дни. Вроде бы и неплохо начинался поход Ганнибала, но после форсирования Ибера возникли сложности, которые не только не предполагались Адгербалом, но и казались совершенно нелогичными.

Зимовка в Новом Карфагене прошла на отлично. Было достаточно времени и для отдыха, и для подготовки к новому предприятию — войне уже непосредственно с Римом. Сколько Адгербал помнил своего друга и покровителя, тот всегда готовил себя именно к этому испытанию. Ганнибал был прирожденным лидером, прекрасным воином, искусным политиком, но все, что было в его жизни до этого момента, он рассматривал лишь в качестве подготовки к исполнению клятвы, данной отцу еще в возрасте девяти лет. И вот, почти двадцать лет спустя он вплотную подошел к исполнению своего обещания. Конечно же, в этой ситуации Баркид не мог допустить осечек в подготовке к выступлению. И в этом он, как казалось Адгербалу, превзошел самого себя.

Начал Ганнибал с того, что, щедро одарив воинов за взятие Сагунта, предоставил наиболее опытным солдатам отпуск на всю зиму, затребовав лишь вернуться ближе к весне в расположение войска. Многие удивлялись этому поступку. Махарбал так и вовсе позволил себе высказать публичное неудовольствие. Ганнибал никак явно не отреагировал на подобное поведение ветерана и лишь предложил дожидаться начала похода. Адгербал же, как и Карталон, бывший рядом с покровителем с детства, понимал направление его мыслей, а потому не удивился, что наемники вернулись в Новый Карфаген, более того, к ним присоединилось немало новобранцев. Ганнибал, как всегда, рассчитал верно: богатые дары, отдых вдали от военных лагерей, некоторый страх перед карфагенскими властями, прочно утвердившимися в Испании и Африке, — все это вместе привело опытных наемников обратно в ряды пунийского воинства. А глядя на них, потянулась следом и молодежь. В результате удалось собрать большую армию для похода. Кроме того, были сформированы значительные контингенты для обороны Испании и Африки от возможного вторжения римлян, причем по совету Карталона испанцев отправили в Африку, а ливийцев — в Испанию. Потенциальные бунты проще подавлять силами чужеземных солдат, которые в случае чего могут пригодиться и в качестве заложников. Эх, опять друг смотрит глубже окружающих.

В зимний период Баркид с парочкой своих ближайших советников отправился в храм Мелькарта в Гадесе, где были принесены богатые жертвы, а местные жрецы напророчили грандиозных успехов в задуманном предприятии. Одновременно с этим распространили слухи про чудесный сон Ганнибала — боги явно на его стороне и обещают победу. А божественная помощь ох как пригодится в борьбе с таким противником, как Рим. Осматривая храм божества, где были изображены подвиги Мелькарта, Адгербал поймал себя на мысли, что не может оторвать глаз от борьбы бога с многоголовой змеей. Судя по рассказам отца, Гамилькара Барки и других ветеранов предыдущей войны с Римом, последний и подобен такой змее. Сколько римских легионеров нашли свое последнее пристанище на Сицилии и в Африке, сколько кораблей оказалось на дне Внутреннего моря, а на месте уничтоженной армии возникала новая, на смену погибшему флоту строился еще один, гораздо больше. И так продолжалось до тех пор, пока Республика не была вынуждена просить о мире — какой позор. Ну ничего, теперь боги

помогут. И важно не просто рубить головы этой гидре, а прижигать их, как делал Мелькарт — тогда и новые не вырастут. Но столь успешное обращение к богам — безусловное достижение Ганнибала.

Агенты карфагенян наводнили северную Испанию и юг Галлии. Они отправлялись туда не с пустыми руками, а щедро снабженные серебром и ценными подарками для вождей варваров. Народы, населяющие эти дикие земли, должны были поверить, что нам они не нужны. Карфагеняне только пройдут в сторону Италии и оставят галлов и иберов жить своей жизнью. Разумеется, мы вернемся — потом, когда с римлянами будет покончено. Но пусть эти дикари верят, большего нам пока не надо. И вести из северных краев были самые благоприятные. Кроме баргусиев, все никак не могущих простить Карфагену уничтожение Тартесса, остальные варвары настроены благожелательно. Они боятся войны с Республикой, страшатся гнева Ганнибала, а также не верят в могущество Рима, который ничем не помог своим союзникам в Сагунте. Так что должно было получиться пройти без помех. А там, глядишь, еще и присоединится кто дополнительно — все подмога будет. На войне с Римом не бывает лишних солдат.

Но самым главным препятствием в предстоящем походе виделся страх. Страх, который испытывали даже самые опытные из воинов. Римское оружие было окружено ореолом непобедимости — в предыдущей войне лишь редкие успехи сопутствовали карфагенским полководцам, да и то все больше Гамилькару Барке. При этом отец Ганнибала ни одной по-настоящему крупной победы над римлянами не одержал, если не считать захват Эрикса и осаду находившегося рядом римского лагеря, взять который, впрочем, не удалось. Но кроме непобедимости врага воинов пугал путь в Италию. Жаркие споры происходили и на военных советах, которые собирал Ганнибал для обсуждения будущей кампании. Мономах и Самнит немедленно ушли в оппозицию планам Баркида. Мономах дошел до того, что утверждал, будто бы единственным способом дойти до Италии является способность есть человеческое мясо. Понятно, что всем не по себе перед подобным походом, но надо же родовитому аристократу как-то держать себя в руках. Магон Самнит не дошел до такого бреда, но тоже возражал. Эти двое предлагали дать римлянам сделать первый ход, разбить их десанты, а затем высадиться в Сицилии. Идиоты. Если не угрожать Риму в самом сердце его державы, то мы лишь повторим судьбу наших отцов — будем храбро сражаться и проливать кровь, а римляне будут все прибывать и прибывать. Нет, мы должны идти вперед. А хуже всего то, что этот страх передался воинам. Скольких трудов стоило Ганнибалу убедить их в необходимости перехода. Особенно запомнилась Адгербалу одна из речей покровителя, произнесенная на крупной солдатской сходке.

— Друзья, — кричал Ганнибал. — Я понимаю, что всем вам очень страшно. Никто из наших предков не участвовал в подобном походе. Но великий македонский полководец Александр шел со своими воинами в неизведанные пустыни Азии, поднимался на неизвестные доселе никому горы, переплывал реки, ширины которых даже представить себе невозможно. И его воины стали господами завоеванных земель, их потомки ни в чем не нуждаются. Вам ли бояться похода? Вы сражались с противниками, превосходившими вас в пять и десять раз по численности! Вы обрушили неприступные стены Сагунта! И вам бояться дальнего похода, бояться римлян? Нет, это римляне нас боятся! Пока шли переговоры, они пытались подкупить Совет Республики лживыми обещаниями мира. Они лгали о том, что наше государство сможет наслаждаться мирной жизнью, если выдаст им на расправу не только меня и моих советников, но и всех ваших офицеров, всех, кто по должности выше простого солдата. А почему они пытались добиться этого? Римляне — грубый, алчный и жестокий народ. Они мечтают завладеть богатствами Африки и Испании так же, как поработили они Италию. Но они знают о нашей доблести, а потому хотели для начала лишиться армию всякого командования. Вот почему они предъявляли такие требования. И неужели мы спустим им подобное вероломство? Им, кто награл много всякого добра в Италии, в Сицилии, в Иллирии! Нет, мы пойдем к ним и заберем это добро себе, а римляне станут нашими рабами. Эти господа Италии расправля-

ются с покоренными народами с невиданной жестокостью. Даже боги не видели таковой ни от кого, кроме римлян. А потому поработанные народы с радостью присоединятся к нам. Галлы и лигуры, кампанцы и самниты, греки и брутии станут с нами плечом к плечу, и мы сокрушим проклятый город, а затем заберем все, чем он владеет. Как забрали богатства мятежников здесь, в Испании! Римляне хотели увидеть меня в Италии, и я удовлетворю их желание — я сам направлюсь туда. А вы, вы со мной?

Ответом Ганнибалу был восторженный рев толпы наемников. Даже сам Адгербал чувствовал себя на невероятном подъеме и был готов немедленно выступить. Умеет Баркид зажечь сердца людей.

Зимой в огромном лагере, расположенном рядом с Новым Карфагеном, готовили новичков. С приходом первого тепла стали возвращаться и опытные солдаты, отпуск которых истек, в результате чего занятия приняли исключительно интенсивный характер. И вот, армия подготовлена, крепко сбита, кажется, что все знают свое место, а потому можно отправляться в Италию. Оставив Испанию на своего младшего брата Гасдрубала, Ганнибал с установившимся теплом выступил из Нового Карфагена на север во главе огромной армии. Адгербал поймал себя на мысли, что никогда еще в их распоряжении не было столько воинов. Около девяноста тысяч человек пехоты, более десяти тысяч всадников, а также шестьдесят слонов составляли огромную силу. Никому, даже Риму не устоять перед ней. Впрочем, восторженный настрой Адгербала был сбит Карталоном, с циничным смешком задавшим повисший в воздухе вопрос: «Интересно, сколько из них сможет дойти до Италии и на что они к тому времени будут похожи?» Впрочем, другу свойственен мрачный юмор, так что не стоит обращать на это внимание.

Армия в бодром темпе двигалась вдоль моря, оставила позади разрушенный Сагунт и тремя колоннами форсировала Ибер, выдвинувшись на территорию, ранее неподвластную Карфагену. И вот тут-то и начались проблемы с местными варварами. Казалось бы, ну пропустите вы карфагенское войско да живите пока спокойно. Нет, для начала взялись за оружие баргусии, которые, видя огромную силу пунийской армии, предпочли партизанские действия, а затем к ним присоединились и другие племена. В результате вместо быстрого движения к Пиренеям пришлось сражаться, устраивать засады, уничтожать этих варваров, теряя своих людей и драгоценное время, которое так нужно римлянам для перехвата инициативы. Ну чего же проклятым местным варварам нейдет? Ведь так привольно живут племена южнее Ибера под карфагенской властью — карам подвергаются только те, кто пробует бунтовать. Можно ведь признать власть Ганнибала и спокойно жить дальше. Плати налоги, поставляй воинов, и не будет у тебя никаких проблем. Нет, сами спровоцировали военные действия против себя. А время уходит...

А тут из Италии подоспели вести — против римского господства восстали бойи и инсумбры. Ну что за идиоты. Не могли подождать несколько месяцев и присоединиться к нам. Теперь же римляне расправятся с ними, а мы лишимся союзника. Сколько говорили им Адгербал и Карталон в Новом Карфагене — дождитесь нас, не провоцируйте римлян, все попусту. Да достаточно вспомнить лицо этого Дукария, возглавлявшего посольство с их стороны, чтобы понять — нет и не может быть в этой голове умных мыслей. Так подставиться под удар римлян и спутать планы Ганнибала. А как бы хорошо могли проявить себя храбрые галльские воины под мудрым руководством Баркида. Впору подумать, что римляне сами спровоцировали это восстание. Впрочем, доносят, что в Испанию консульские армии пока не выдвинулись, так что возможность дойти до Италии у нас еще есть. Ну а там с римлянами мы сможем схлестнуться напрямую. Нет, ну что за варвары кругом — все невпопад.

Хорошо хоть, что не приходится заботиться о женщинах. А такая опасность была, причем нешуточная. Жене Ганнибала Имильке втемяшилось в голову, что она должна сопровождать мужа в этом походе. Ну что за нелепость. Сначала Адгербал решил, что Имилька попала

под дурное влияние Роханы — жены Карталона. Друг вновь выступил с неким чудачеством, заставив жену изучить греческий язык и прочесть повествования о завоеваниях Александра Македонского. Вот наверняка и вычитала образованная иберийка о том, что одна из жен полководца Роксана была с ним в походе. Ну так он ее в том походе и подобрал, а затем просто взял с собой. Ничего общего. Но после жарких споров выяснилось, что Рохана даже не в курсе желания Имилька. Ганнибал был в ярости оттого, что жена своими глупыми, но настойчивыми просьбами отвлекала его от подготовки к походу. Тем более что тогда получается — маленького сына тоже брать с собой? Он не переживет такого путешествия.

Но Имилька не унималась. Она уверяла Баркида, что в ее отсутствие ему не будет сопутствовать удача. Подобное утверждение привело в ярость уже не только Ганнибала, но и Адгербала. Как может им не сопутствовать удача? Тем более в борьбе с римлянами. Это можно считать богоугодным делом, а тут какое-то присутствие жены якобы повлияет на удачу всего предприятия. Нет, это немыслимо. Но до чего же упрямы эти иберийские женщины. Имилька явилась на какое-то застолье и начала рассказывать про свой сон, который предвещает беду. Ладно бы еще рассказала тихо, а тут все произносилось во всеуслышание, в результате суеверные члены окружения теперь вздрагивают и чуть что молятся за удачу. Ганнибал вытолкнул ее вон и почти не разговаривал до самого расставания.

Но тут новая напасть. Жена Баркида убедила Ипульку в необходимости участия жен в походе, и та загорелась этой идеей. Теперь и Адгербалу пришлось выслушивать от жены подобные причитания. Тут намаешься с подготовкой похода за день, хочешь спокойно передохнуть ночью, а вынужден слушать это. Нет, если рассуждать логически, то можно быстро понять причину подобного желания. В столь длинном походе войско несомненно будут сопровождать шлюхи. Да и по дороге можно встретить самых разных женщин. Вот жены и волнуются, что забудут о них карфагенские полководцы, тем более что очевидно — отношение карфагенян к иберам так и осталось отношением господ к варварам. А если после победы Ганнибал сотоварищи решат взять себе новых жен? Ну и как теперь отпираться? Адгербал даже потерял сон, но потом понял, как можно решить столь внезапно возникшую проблему. Вот жена Карталона не требует брать ее в поход и готова ехать в Карфаген, где ей явно будет безопаснее. Значит, друг нашел нужные слова. Пусть повторит их Ипульке, тем более что он подбирает этих жен, значит, он за них и в ответе.

Приятель, выслушав просьбу, расхохотался до слез, даже обычная невозмутимость ему изменила.

— Да ты что, Адгербал, предлагаешь мне поговорить с твоей женой о том, почему ты не берешь ее с собой в поход? Одна Танит знает, как ты меня развеселил.

Адгербал почувствовал, что закипает, особенно при виде того, что смех продолжал душисть Карталона, у того даже слезы по щекам потекли.

— Конечно. Это ты фактически привез мне жену из Кастуллона. Да и твоя Рохана не требует брать ее с собой. Вот и реши вопрос с моей женой, да и с женой Ганнибала заодно.

— Может, пусть лучше Рохана поговорит с ними по-женски?

Нет, Карталон просто невозможен. Теперь откровенно глумится.

— Ну уж нет. Поговори ты, да в моем присутствии.

Наконец приятель успокоился и даже сделал серьезное лицо. И разговор состоялся. Жесткий разговор. Вспоминая его, Адгербал понимал, почему многие недолюбливают Карталона. Тот обратился к Ипульке без предисловий:

— Скажи мне, Ипулька, ты боишься, что мы забудем своих жен, если спутаемся со шлюхами в походе?

Жена насупленно молчала и не стала ничего отвечать, а потому Карталон, на вид нисколько не смущаясь, продолжил:

— Так вот что я тебе скажу. Женщин за войском потянется действительно немало. И мы не будем их прогонять, потому что они нужны армии и воинам, которые каждый день рискуют жизнью. Но мы и не будем их ценить. У нас на пути будут широкие и глубокие реки, а я слышал, что Родан не идет ни в какое сравнение с реками Испании, высокие заснеженные горы, дикие племена на пути, а потом нас ждут римляне. Мы не сможем тебя оберегать. А вот шлюх мы бросим без зазрения совести — инстинкт самосохранения окажется преобладающим. Так что не беспокойся, твой муж просто не успеет ни к кому привязаться. А ты береги сыновей — они лучшая гарантия того, что Адгербал о тебе не забудет. Они карфагеняне — и очень знатного рода.

После этого Карталон повернулся и ушел. Жена высказала Адгербалу все, что думает о его друге, а после этого наотрез отказалась отправляться в поход, как будто бы это муж ее просил. Ну и отлично. Поживет в Карфагене. Но каков Карталон! Видимо, Рохане непросто с ним приходится.

Незадолго до выступления жен отправили в Карфаген, и теперь Адгербал вздохнул спокойно — если еще до Пиренеев пришлось сражаться, то тут действительно не до обеспечения безопасности женщин и детей. Ну а на родине отец позаботится о его семье.

Отец, к слову, прислал напутствия незадолго до начала похода. Не стал доверять курьерам, и в качестве гонца приехал лично старший брат Гимилькон. По сформированной легенде брат сопровождал молодого племянника Ганнибала Ганнона, вызванного Баркидом для укрепления штаба карфагенской армии. В те несколько дней, что Гимилькон провел в Новом Карфагене, он многое обсудил с братом. Странная ситуация. Вроде бы Адгербал и младший брат, а смотрит на старшего Гимилькона свысока, уже тому приходится подстраиваться. Но ничего не поделаешь — близость к солнцу, в данном случае к Ганнибалу, все это и обуславливает.

— Отец просил передать, чтобы ты не рисковал собой понапрасну, — неторопливо начал Гимилькон. — На войне и так хватит опасностей, нечего их дополнительно собирать на свою голову. Вот наш дядя рвался вперед, воюя рядом с Гамилькаром Баркой, и получил позорную смерть. О нем сейчас и вспоминаем-то только мы. Так что не уподобляйся ему, будь хитрее. А о твоих мы позаботимся. Будут жить под защитой не хуже, чем За-Ашт.

Ну вот, опять он о дяде. Любимая присказка отца о брате и сыне уже поднадоела Адгербалу. Он даже поморщился перед ответом.

— Передай отцу, что мы все не рискуем без крайней на то необходимости. Но на войне нельзя все предусмотреть. Так что молитесь за меня.

Долго они тогда говорили с братом. Нельзя исключать, что и тому придется возглавить какой-нибудь контингент. Отец планирует убедить Совет в необходимости активизации действий на Сицилии. Правильно, это может занять римские силы островными делами, не позволить им вторгнуться в Африку или выступить против Ганнибала. А если повезет, то и получится восстановить свое господство в старинных владениях. Довольно римлянам хозяйничать в Дрепануме и Лилибее. В отличие от Испании, в Африке стоит большой карфагенский флот, он представляет собой внушительную силу, с которой можно вмешаться в происходящее на Сицилии. Тем более что не всем грекам нравится поведение римских соседей. Глядишь, они опять перевернутся на нашу сторону, как когда-то предали Пирра, вроде бы поначалу освобождавшего их от пунийцев. Так что надежд на будущее много. Но и о Карталоне упомянул брат.

— Отец просил передать, чтобы ты слушал Карталона и не давал ему много размышлять в одиночестве. В походе вы будете друг у друга на виду, так что не позволяй ему уныло думать в тишине — пусть делится своими мыслями. Тогда он будет считать, что вы с ним близки. Подобные Карталону люди очень одиноки внутри и рассчитывают, что кто-то их выслушает, даже если не показывают этого. Так надо, отец очень на этом настаивал.

Ну вот опять, «отец настаивал». Да мы и так близки с Карталоном. Но не будешь ссориться с братом перед столь страшным испытанием, которое предстоит в ближайшие уже не годы, а буквально дни. Поэтому Адгербал улыбнулся и попросил передать отцу, что он услышал его напутствия.

А вот после перехода Ибера, приглядываясь к Карталону, Адгербал начал ощущать смутное беспокойство. Нет, не из-за предательства, которого боится отец. Казалось, что с другом детства и соратником что-то не так. Сын Гисгона молчал больше обычного, мрачно отшучивался, а на привалах и вовсе вел себя странно. Не раз и не два Адгербал обращал внимание на то, что Карталон, отпустив охрану, подсаживается к кострам наемников и ведет с ними долгие беседы на их варварских языках. Вот тебе тоже, сначала бесполезно тратил время на их изучение, а теперь ломает язык, болтая с варварами. А те и рады. Еще бы — видный пунийский офицер, один из ближайших сподвижников самого Ганнибала, коротает вечера вместе с ними. Но зачем это Карталону? Этого Адгербал решительно не мог понять.

В какой-то день пришлось гоняться за неуловимыми врагами, пытавшимися разграбить обоз. Часовые не дремали и подняли крик, после чего Ганнибал организовал погоню и сам возглавил ее. К сожалению, догнать превосходно знающих местность противников не удалось, а потому к вечеру уставшие и злые вожди карфагенского воинства вместе со своими людьми вернулись в лагерь с пустыми руками. Баркид гневался на всех и немедленно удалился в свой шатер. Адгербал уже собирался отправиться отдыхать, как его внимание привлекло многоголосое пение у одного из костров. Он направился туда, и его глазам предстало на первый взгляд обычное зрелище: группа наемников затянула песню на одном из иберийских диалектов. Слов Адгербал разобрать не мог, но догадался, что посвящена эта лирическая для варварского слуха мелодия была тяготам войны и такому желанному пути домой. Ну и ладно, пусть бы пели. Но среди наемников как ни в чем не бывало восседал Карталон и уверенно присоединял свой голос к этому завыванию. Какой ужас. Адгербал оттащил друга от костра и отправился вместе с ним к Ганнибалу. Хоть часовые, охранявшие покой предводителя, и слабо протестовали, они не осмелились не пропустить ближайших советников Баркида. Тот, услышав рассказ о произошедшем, пришел в ярость. Сначала он кричал, но Карталон лишь угрюмо молчал и ничего не говорил в ответ. Наконец Ганнибал взял себя в руки и преувеличенно спокойно обратился к давнему соратнику:

— Послушай, Карталон, ты один из лидеров войска, в будущем — один из лидеров государства. Ты не можешь сидеть с варварами у костра, да еще и подпевать им. Вспомни, кто ты, кто был твой отец, не вздумай опускаться. А сейчас иди к себе и возьми себя в руки.

И Карталон с неожиданно прорезавшейся мрачной ухмылкой ушел, так и не сказав ни единого слова. Всю ночь Адгербал казнил себя за то, что не поговорил с ним сам, а сразу отправился к Ганнибалу. Понятное дело, что после тяжелого и неудачного дня покровитель зол на весь свет, а потому практически не сдерживал себя. Не заронило ли это дополнительных сомнений в душу Карталона? Эх, надо было послушать отца и самому поговорить с молчаливым другом. Ну да ладно, все еще можно исправить.

На следующее утро Адгербал первым делом разыскал Карталона и попытался вызвать его на разговор. На удивление Карталон охотно пошел на откровенность и выдал сентенцию, немало удивившую Адгербала:

— Понимаешь, эти люди нужны нам не меньше, чем мы им. А нельзя исключать, что и больше. Они боятся перехода, надо быть рядом с ними, иначе они не сегодня-завтра разбегутся. Те же иберы вполне могут вернуться домой. Этот риск будет с нами вплоть до Альп — галлы пропустят иберов обратно. Да и после перехода. Римляне будут благодарны нашим солдатам, если те перейдут на их сторону и выдадут нас. Так что с воинами дружить надо, а не устраивать истерики.

Дружить с варварами, да как же такое возможно? Вот мы их убеждали в наших добрых намерениях, а теперь все равно теряем время на усмирение этих диких земель. Нет, не оправился Карталон после Сагунта, не оправился. Ничего, как начнутся настоящие сражения, не до душевных терзаний сразу станет. Тем не менее во время очередного перехода Адгербал поинтересовался у Ганнибала, пытаясь намекнуть ему на смятение друга:

— Вот смотрю я на Карталона, на то, как он общается с воинами, как осматривает местность и чудеса природы, и думаю, а не мог ли он стать философом. Возможно, это было бы ему ближе, нежели находиться при войске.

Но Ганнибал, занятый своими мыслями, ответил совсем не то, что ожидал Адгербал:

— Философы тоже бывают воителями. А для философа Карталон слишком ненавидит окружающий мир. Он считает его враждебным, борется с ним. Философы любили мир. И поэтому Карталон с нами.

Не задался тот разговор, оставив тяжелый след в душе Адгербала. Но хоть варваров удалось усмирить. Ганнибал вынужден был оставить друга своего племянника, носившего то же имя Ганнон, управлять этими дикими землями. Да не одного, а предоставить ему крупное войско. Такими темпами некого будет вести через Альпы. Ну да ладно, в Галлии должно быть легче.

* * *

Ганнон раздраженно шагал по богато украшенным покоем и скорее рассуждал сам с собой, лишь изредка оборачиваясь к своему собеседнику. Этим собеседником был Гасдрубал Гэд, который в другой ситуации мог бы и оскорбиться подобным пренебрежительным отношением со стороны своего старшего покровителя. Но в другой ситуации и сам Ганнон был бы приведен в ярость малочисленностью окружения. Теперь же им обоим выбирать не приходилось. Сейчас абсолютное большинство аристократии Республики увлечено начавшейся войной, а потому многие сторонники либо переметнулись к Баркидам и их клике, либо опасаются демонстрировать свою позицию. Вот и встретились лишь двое убежденных противников войны и сторонников союза с Римом. А настроение Ганнона абсолютно понятно — случилось то, против чего он выступал еще с тех пор, когда призывал к суду над Гамилькаром Баркой и его единомышленниками, требовавшими реванша после войны с Римом. С тех пор прошло двадцать лет. Двадцать лет слабые аристократы и алчные торговцы игнорировали Ганнона, хотя он требовал только мира и развития в дружбе с Римом, который был готов сотрудничать с Республикой. Двадцать лет над ним смеялись, его оскорбляли, обвиняли во взятках. Теперь же случилось именно то, о чем он предупреждал. Рим, доведенный до иступления наглými действиями отродья Гамилькара в Испании, объявил войну. И он будет вести ее столь же яростно и беспощадно, сколь и предыдущую войну в Сицилии.

А идиоты вокруг радуются. Ну, конечно, их пока все происходящее не коснулось. Но ждать недолго. Скоро римляне уничтожат Ганнибала и его банду, а потом высадутся здесь, в Африке. И тогда останется лишь надеяться, что они согласятся на капитуляцию Республики. Но с этого момента предстоит забыть о независимости и надеяться лишь на достойное место в системе римских союзов. Ну а со временем римляне пришлют сюда уполномоченных чиновников и заменят ими Совет. Это станет закономерным финалом того, что творят обезумевшие торговцы. А стоило-то всего лишь послушать Ганнона. Хотя бы в тот момент, когда он призывал удержать Ганнибала в Карфагене и не отпускать его в Испанию. Но и сам Ганнон тоже хорош. Был уверен, что Красавчик уничтожит своего конкурента, что римляне вмешаются и потребуют не назначать Ганнибала командующим. Но нет. Размяк Гасдрубал, позволил каким-то молокососам себя убить. И римляне не вмешались. Неужели думали, что Республика сама одумается? Но крепко спит разум в Карфагене, оставили его боги. А вдруг в Риме и сами

хотели войны, чтобы разрушить карфагенское могущество? Нет, этого не может быть. А все-таки нельзя было надеяться на других, следовало самому принять необходимые меры. Но что мог сделать он, когда нет поддержки со стороны родины, служению которой Ганнон посвятил всю свою долгую жизнь.

А тут еще и вести из Испании. Ганнибал выступил на север с огромным войском. У самого Ганнона никогда не было такого количества солдат. А вот если бы ему был предоставлен шанс проявить себя, имея подобную армию, он мог бы и победить римлян у Эгатских островов. Да и восставшие наемники были бы уничтожены в мгновение ока. Сейчас же всю эту провву варваров ведет в поход отроде Гамилькара, наглый юнец, одержимый лишь одной целью — разрушить Рим. Всю зиму, судя по донесениям, Ганнибал твердил только об этом, внушал своим наемникам одну и ту же мысль — Рим слаб и быстро падет под ударами их оравы. Как бы не так. Карфагенские руководители придерживались той же мысли перед первой войной, а потом кусали локти от досады. Могли бы оказаться более прозорливыми, учитывая то, что римляне, пережив первый период неудач, разбили Пирра и вынудили его убраться из Италии в Грецию. Но нет, все верили, что римляне не смогут одолеть великую карфагенскую державу. А они смогли. Более того, в момент высадки римской армии в Африке Республика оказалась на грани гибели. Как возможно забыть такое? Сейчас же все увлечены реваншем и уверены в победе. Кто ее добьется? Самоуверенный мальчишка, до этого почти год осаждавший Сагунт? Это просто смешно.

Ганнон остановился и решил наконец обратить внимание на терпеливо ожидавшего молодого сподвижника. Надо поддержать с ним разговор, а то замкнется в себе, посчитает, что не пользуется уважением.

— Скажи мне, Гасдрубал, — начал Ганнон. — Неужели возможно считать, что Ганнибал и его дружки смогут справиться с Римом?

— Конечно, нет. — Гэд ненавидел Баркидов не меньше Ганнона. — Римляне разгромят их наголову в первом же бою. Ведь это не карпетаны или сагунтинцы, победы над которыми вскружили голову Ганнибала и вымели оттуда остатки ума. Возможно, уже скоро Ганнибал погибнет или попадет в плен. Но после того, что он сотворил с Сагунтом, плен для него хуже смерти.

— Возможно, что они даже не дойдут до Италии — дорога туда долгая, крайне тяжелая и опасная. Погибнут на просторах Галлии или в этих огромных диких горах — Альпах. — Ганнон всегда надеялся, что получится проиграть войну, даже не вступив в сражение.

— Даже если они перейдут горы, то у римлян будет достаточно времени, чтобы встретить их в Италии. Главное, чтобы они не нанесли удар по самому Карфагену, пока Ганнибал бредет со своей бандой по диким землям на севере.

Ум Ганнона продолжал прокручивать варианты развития событий.

— Если Ганнибал погибнет по пути или будет быстро разбит римлянами, то остается возможность быстро заключить мир. Сейчас Совет верит в Ганнибала, но в случае легкой римской победы будет ошеломлен. Возможно, удастся откупиться от римлян испанскими землями. Ну а после мы расправимся с представителями торговцев в Совете.

— Остается надеяться, что Ваал будет милостив к нам и все произойдет так, как ты говоришь. — Гэд предпочитал поддакивать. Да и нет у него своего мнения.

Ганнон продолжал размышлять. Конечно, будет даже лучше, если римляне отберут у Республики Испанию. Все равно Ганнону и его сподвижникам она не принесла ничего хорошего. Серебро рудников достается торговцам, которые вербуют чернь поддерживать все их бредовые идеи. Настоящая сила Карфагена всегда была в Африке — именно здесь Элисса путем нехитрой уловки получила территорию Бирсы. Так этим местным варварам и надо — все равно не умели управляться с землей или ценить местоположение. Уже очень скоро владения Карфагена были расширены. С севера они ограничены морем, с юга — далекими пустынями. На востоке

мы граничим с Птолемеями, а на западе владеем землями до самого океана. Чего еще желать? И не нужна нам эта Испания — только силы тратить на нее. А теперь еще и кормить прожорливых наемников, которых оттуда прислал Ганнибал якобы для охраны Карфагена. Сама мысль о том, что эти варвары бесконтрольно слоняются по городу, оскорбляла Ганнона. Раз уж мы не можем обойтись совсем без армии, то пусть наемников запирают в казармах. Но не позволяют бродить по городу и глазеть на почтенных граждан. Срамота какая-то.

Так что крайне важно, чтобы Ганнибал поскорее проиграл. Тогда и Рим не понесет значительных затрат, а потому будет готов удовлетвориться Испанией. Так же, как после первой войны к нему отошла лишь Сицилия. Не будь восстания наемников, поставившего Республику на край гибели, Сардиния и Корсика также остались бы в руках Карфагена. Но мятеж, случившийся из-за безрассудных обещаний Барки, ослабил страну, позволил Риму обзавестись еще двумя крупными островами. Требовал Ганнон привлечь Гамилькара к суду, смог этого добиться, но не осудили Барку. А теперь его звереныш довел дело до новой войны. Пусть его поскорее разобьют, но он останется жив. Ганнон по такому случаю лично съездит в Рим посмотреть на его позорную казнь. Ох, какое это будет зрелище.

Плохо то, что из-за войны римляне могут негативно отнестись и к самому Ганнону. Их тоже можно понять — он не смог отговорить Совет от враждебных действий, не добился выдачи Ганнибала. И наверняка римские патриции рассуждают о том, что либо Ганнон не пользуется должным авторитетом у себя на родине, либо на самом деле он заодно с Баркидами. Нет, о таком вероломстве с его стороны римляне не думают. Остаются сомнения в его силе. Хотелось бы дать им понять, что в том безумии, которое в последние годы обуяло Республику, он был бессилен что-то изменить. Но после поражения все переменится. Его имя вновь обретет должное уважение, все будут молчать и с благоговением внимать каждому его слову. Но как сообщить это римлянам, как? Из-за этой войны любое, даже самое невинное, письмо в Рим будет воспринято предательством. Глава партии торговцев Гасдрубал будет лишь рад, если получит подобный повод навсегда избавиться от Ганнона. Получается, что писать римлянам нельзя. Самому отправиться на берега Тибра тем более невозможно. Остается лишь ждать. Ждать и надеяться.

Да, это хорошая мысль — откупиться от римлян Испанией. Она придется им по вкусу, ведь серебро из местных рудников станет для римской аристократии хорошим подспорьем. Если же Республика лишится этого серебра, то и противная партия не сможет вести подкуп сторонников, и никто не рискнет воспротивиться власти Ганнона. Важнейший ресурс будет выбит из рук противников, а Ганнон, используя свои богатства, сможет отстранить их и от торговли. Он вернет себе славу первооткрывателя, какую стяжал его великий предок, получивший прозвище Мореплаватель. Но, в отличие от него, Ганнон не станет покидать город — новые страны будут открывать моряки, находящиеся у него на службе. Не придется думать, как задобрить испанских варваров, чтобы они не бунтовали. Определенно, надо уже готовить почву для отказа от Испании. Жесткая улыбка тронула губы Ганнона, его логика, как всегда, великолепна. И раз мы не будем связаны ничем с этими варварами, а Ганнибал проиграет, то и прибывшие недавно жены станут никем. И это будет еще одной победой здравого смысла. Испания, ее серебро и наемники были так важны для Ганнибала, что он и сам женился на местной уроженке, и своих приспешников женил на испанках. А если, избавь Ваал от подобного несчастья, Баркиды бы победили, то эти плоды союза с варварами вошли бы в элиту, потеснили бы самого Ганнона и его потомков. Ну уж нет, пусть Испанию забирает Рим.

— Как тебе эти варварки, которые недавно прибыли в наш город? — поинтересовался он у Гэда.

— Совершеннейшие дикарки. Они красивы — своей диковатой красотой, — но их скорее можно принять за наложниц, нежели за жен карфагенских аристократов. Жили в Новом Карфагене несколько лет, но аж раскрыли рот, увидев настоящий город. И дети наверняка не

лучше. Будут такие же варвары в карфагенском Совете. Позор Ганнибалу за то, что он породнился с этим отребьем. И позор всем нам, что мы приняли их в городе, а не выгнали ночевать под стенами! — Гэд неистовствовал, рассуждая о женах полководцев, ушедших с армией. Но, судя по его ярости, красота испанок произвела и на него впечатление.

Да, как ни обидно признавать, они действительно красивы. И здесь Баркидам достался прекрасный плод. Но ничего, злорадно думал Ганнон, наслаждаясь буйной зеленью садов Мегары, его воля и тут исполнится. Он уже придумал, как отомстить самой памяти Гамилькара Барки. Заодно можно будет порадовать Гэда.

— Я думаю, что после поражения Ганнибала нам не удастся удержать Испанию, она достанется римлянам, — начал он. — Но в этом есть и плюсы. Гасдрубал и его окружение лишатся доходов, и мы окажемся у власти в Республике. Теперь уже навсегда. А раз у нас не будет испанских владений, то и обязательств перед шлюхами Ганнибала и его друзей у нас также не будет. С прихвостнями Баркидов разберутся римляне, а их жен и детей как варваров мы продадим с торгов. Хочешь, чтобы твоей наложницей стала жена Ганнибала?

Ганнон аж захохотал, довольный своей идеей. Ох как блестят глаза Гэда. Наверняка он со свойственным молодости вожделием уже строит планы относительно иберийской красоты. Внук Гамилькара, работающий на плантации. Что может быть лучше? Ганнона охватило нетерпение. Скорее бы уже римляне уничтожили эту банду, отправившуюся в Италию, сразу после этого можно приводить такую прекрасную идею в жизнь. Себе же Ганнон присмотрел жену Карталона. Она красива, и он, невзирая на возраст, был бы рад обладать ею. Ну и, конечно, девчонка — дочь Карталона. Она станет рабыней на самых грязных работах. Дурень Гисгон ввел своего бастарда в элиту, пользуясь дружбой с Баркой. Но любому здравомыслящему человеку очевидно, что если и течет в нем кровь настоящих карфагенян, то лишь самая малая толика. А уж в девчонке, прижитой в браке с испанкой, благородной крови нет и в помине. Отправив ее на грязные работы, Ганнон восстановит справедливость и отомстит старинному недругу. Пусть даже его памяти.

Ну а в том, что Ганнибала разобьют, сомневаться не приходится. Ганнибал Мономах и Магон Самнит вышли-таки на связь. Этих двух растил Красавчик, он рассчитывал, что они, войдя в окружение Баркида, позволят нанести ему смертельный удар. И кое-что они делали, но явно недостаточно. После убийства Гасдрубала они затаились, испугавшись, что являются следующими в списке зверенышей. Но прошло уже несколько лет, а попыток не то что устранить, а даже отправить их в Африку не предпринято. Значит, допускает ошибки Ганнибал, серьезные ошибки. Сам бы Ганнон на его месте сформировал Красавчику в загробном мире достойную свиту — нельзя доверять тем, кто рос под крылом твоего врага. Но юнец не просто не избавился от Мономаха и Самнита, но и зовет их на совещания, интересуется их мнением. Значит, просчитался.

Зимой Мономах описывал один из советов, состоявшихся у Ганнибала. Обсуждался поход в Италию. На вполне резонные замечания о том, что непонятно, чем кормить огромную армию в таком беспримерном походе, Баркид обещал даже заставить воинов питаться человеческой, лишь бы дойти до Рима. Понятно, что это преувеличение, хотя от сына Барки можно ожидать чего угодно. Но упрямство Ганнибала безмерно. А из этого следует, что он тупой и ограниченный тип, которому не может улыбнуться удача в его предприятии. Вроде бы даже именно Мономах подал идею о таком страшном способе пропитания. Ну и хорошо — дискредитирует Ганнибала перед всем миром. Пусть действуют эти двое, раз уж с римлянами невозможно поддерживать связь. Ну а потом решим, как с ними поступить.

* * *

Марк Клавдий Марцелл любил верховые прогулки в окрестностях Рима. Даже на шестом десятке он не забывал о необходимости физических упражнений, среди которых верховая езда была если не главной, то одной из основных составляющих. Когда ты принадлежишь к плебеям, пусть и весьма древнего и уважаемого рода, всегда следует помнить о том, что необходимо нравиться народу. Даже такой знатный патриций, как Фабий, вынужден считаться с мнением плебса, так что и самому Марцеллу не пристало пренебрегать этим. Римский народ грубоват, а потому любит и близких ему по духу вождей. Необходимо проявлять достаточную степень популизма, чтобы хранить народную любовь. Но при этом надо проявлять физическую силу и сноровку, в противном случае плебеи решат, что ты размяк, достигнув власти и богатства, оторвался от народа, а затем и откажутся за тебя голосовать. После чего, не имея устоявшегося влияния в народе, присущего Фабиям или Сципионам, ты можешь оказаться на обочине политической жизни. А этого Марцелл не мог себе позволить. Слишком долго он выбирался наверх, выдерживая уничижительные сравнения с представителями патрицианской ветви их рода. Он всегда демонстрировал отчаянную храбрость, мастерское владение всеми видами оружия, отменное искусство верховой езды. Тем самым ему удалось завоевать авторитет в армии и в обществе. Но он не просто рисковал без нужды, он шел на тот риск, который мог позволить ему стать одним из политических лидеров Республики. И этот риск оправдался. Марк Клавдий уже был консулом, смог достичь победы над галлами, добавившей ему авторитета, уязвил противников из партии Сципионов, вышел на лидирующие позиции в партии Клавдиев, а потому вполне мог претендовать на консулат и командование армией в войне с пунийцами.

Но судьба распорядилась иначе. Один из представителей его партии стал консулом, более того, получил в качестве провинции Сицилию с перспективой высадки в Африке, но был это не Марцелл, а Тиберий Семпроний Лонг. Семпроний даже вызывал у лидера своей партии некоторые симпатии, но подобное назначение разрушило даже ту относительную теплоту, которая ранее присутствовала в их отношениях. Спору нет, Семпроний достаточно умен и хитер, умеет грамотно оценивать как военную, так и политическую обстановку. Но представить его победителем Карфагена — нет, это просто смешно. Нетрудно понять, почему против кандидатуры Марцелла при определении консулов выступили Сципионы. Старые политические недруги опасаются того, что он разобьет извечных врагов Рима, а потому резко усилит свое политическое влияние. Они боятся его, а со времен галльской войны еще и ненавидят. Это и неудивительно: в ситуации, когда победа была уже фактически достигнута, Сципионы при помощи Фабиев и Марцелла отобрали консулат у Фламиния, в результате чего этот наглый выскочка остался в Риме, а лавры победы должны были получить представители древних семей, к которым относился и сам Марцелл. Ну а дальше он пошел на необходимый риск, сойдясь в поединке с галльским вождем. Смерть этого варвара уже ничего не решала, но народу нравятся подобные символические жесты. А потому победа, одержанная в схватке, сделала Марцелла единоличным победителем, принесла ему ненависть патрицианского семейства Сципионов, также претендовавших на этот титул. Но и Фабий не возразил своим извечным соперникам, когда они выступили против кандидатуры Марка Клавдия на пост консула. С точки зрения законов Фабий не так уж неправ — маловато времени прошло с предыдущего консульского срока. Но война с Карфагеном будет страшным испытанием, здесь можно и отойти от древних законов, регламентирующих занятие высших должностей в Республике. Занимать их должны достойные мужи, могущие одерживать победы, а не те, кто просто слишком давно не избирался. А то подобный догматизм может сыграть и против нас — вон, у карфагенян в последние годы командиры сменяются после либо гибели, либо серьезных неудач. Надо и нам учиться лучшему у врагов.

Подобные размышления и стали одной из причин, по которым Марцелл ежедневно выезжал на верховые прогулки. Кроме физических упражнений, это было неплохим способом поразмышлять и упорядочить сложные конструкции, формировавшиеся в голове по результа-

там политических игр. Одновременно с этим было возможно подискутировать с ближайшими соратниками, не опасаясь лишних ушей. Телохранители скачут чуть поодаль, можно пустить лошадей рядом с собеседниками, либо и вовсе спешиться, а затем завести неторопливый разговор. Таким образом получалось совмещать поддержание собственного физического состояния с той постоянной политической работой, которая не закончится никогда. Конечно, когда твоя душа отправится давать последний ответ в царстве Плутона, эта работа прекратится, но тебе будет уже все равно. Раз вступив в борьбу за власть, выйти из нее уже не получится. Поэтому после тренировок с мечом Марцелл вне зависимости от погоды отправлялся за город.

Во время этих прогулок и пришло понимание, почему Фабий не вступился за него. И открывшаяся истина оказалась настолько простой, что даже разозлился на себя — как сразу не понял логики своего лидера! Фабия тоже не нужно излишнее возвышение Клавдиев. Сейчас их партия набрала большой вес, но ввиду солидной плебейской составляющей вынуждена группироваться с Фабиями, признавать главенствующую роль и всего этого семейства, и самого Квинта Фабия Максима. Но сам Фабий опытный политик и очень умный человек, который еще и принадлежит к семье, уже сотни лет вершащей судьбы Республики. И он учитывает, обязан учитывать вероятность того, что Марцелл и следующие за ним Клавдии начнут собственную игру. Да, сейчас они фактически его клиенты. Политические, разумеется. Но, не ровен час, посчитают себя достаточно сильными, чтобы проводить самостоятельную политику. Более того, то, что Марцелл вынужден ориентироваться на любовь народа и нередко даже потакать его низменным инстинктам, наверняка заставляет Фабия предполагать, что в будущем Клавдии могут сблизиться и со Сципионами. И ведь нельзя сказать, чтобы патрон был так уж неправ. Сципионы ориентируются на быструю внешнюю экспансию, в то время как план Фабия заключается в постепенном развитии Республики и поглощении соседних народов, их включении в Римский мир. Действия Сципионов нравятся римскому народу, потому что резко увеличивают поток богатств, которые распределяют среди своих клиентов политические лидеры, гарантируют новых рабов, выполняющих тяжелые работы, освобождая от подобной обязанности самих римских граждан. Пример Сицилии показателен. После первой войны с Карфагеном этот чудесный остров стал частью Республики. Хлеб активно выращивался там и ранее, но римляне принесли туда культуру бескрайних пшеничных полей. Сама же пшеница прекрасно прижилась в том климате. Теперь этот остров является громадной житницей, и Рим забыл о перебоях с хлебом. Марцелл сам сражался на Сицилии и помнил плодородные земли, на которых росло буквально все. Даже во время военных действий они не были полностью заброшены и, например, спасли римлян, осажденных в собственном лагере в окрестностях Эрикса Гамилькаром Баркой. А после победы над Карфагеном Риму станет доступным весь запад Внутреннего моря. Ну а далее, если боги будут милостивы, то и восточные земли познакомятся с нами поближе.

Поэтому интересы Марцелла и Сципионов во многом совпадают. И на почве общности интересов возможным становится и политическое сближение в будущем. Конечно, после галльской войны говорить о таком не приходится — Публий Корнелий Сципион и его брат Гней Корнелий Сципион ненавидят Марцелла, и надо сказать, что эта ненависть является взаимной. Но она связана с конкретным эпизодом. Поэтому нельзя исключать, что их сыновья уже пойдут на ситуативный союз, который может еще более укрепнуть при внуках. Фабий очень умен и наверняка учитывает в том числе столь дальнюю перспективу. Тем более что он опасается за сохранность республиканских институтов, о чем неоднократно рассуждает на закрытых собраниях. Некоторые его речи на эту тему даже произносятся в Сенате. Марцелл отдавал должное прозорливости своего старшего товарища, а потому не исключал, что тот верно видит негативные тенденции. И в данном вопросе «меч Италии», как прозвал Марцелла народ, колебался. Да, расширение необходимо. Оно позволит самому Марцеллу и всей его партии укрепить собственные позиции. Но если общественные институты дадут трещину, то она

может перекинуться и на фундамент всей римской государственности. Общественное устройство позволило семье Марцелла и ему самому подняться высоко. Возможно, его сын займет и еще более блестящее место в руководстве Республики. Разрушение же устоев приведет к тому, что вновь, как и во времена царей, везде будут родственники царской семьи и льстецы, услаждающие ее слух. И как тогда быть честным гражданам? Как совместить опасения Фабия и необходимость во внешней экспансии? Непонятно.

Но все это пока является второстепенными вопросами. Важно другое — Фабий также не заинтересован в излишнем, с его точки зрения, возвышении Марцелла, которое позволит последнему вести самостоятельную игру. Поэтому первое время в течение войны Марк Клавдий сможет рассчитывать максимум на претуру. Не слишком притягательное место с учетом его заслуг перед Республикой. С другой стороны, если показать себя на такой должности, далее открыт и путь в консулы. Нельзя рассчитывать на то, что война окажется скоротечной. Предыдущая схватка с пунийцами длилась более двадцати лет. Марцелл сражался на Сицилии и помнил, насколько умелыми, хитрыми и опасными врагами были карфагеняне. Безусловно, римляне одержали немало славных побед, во многих крупных сражениях поучаствовал и сам Марцелл, но были и неудачи. Экспедиция в Африку закончилась уничтожением целой армии и гибелью консула Регула. Публий Клавдий потерял огромный флот у Дрепанума. Гамилькар Барка взял прекрасно укрепленный Эрикс. Более того, пусть карфагенский военачальник и не одержал решительных побед, но и сами римляне не смогли разбить его. Он подписал мир ввиду тяжелого положения Карфагена, но не вследствие собственного разгрома. Нет оснований полагать, что сейчас схватка окажется проще, пусть Республика и стала с тех пор намного сильнее. Поэтому для Семпрония удачей станет защита Сицилии, возможно, попытка высадки в Африке, особенно если удастся установить контакты с вождями тамошних народов, которые могут стать союзниками в будущих военных действиях. Но не более. Хорошо бы выявить пособников пунийцев на самой Сицилии и устранить их, ведь наверняка таких немало — слишком долго эта земля была владением Карфагена. Да и Сиракузам нельзя доверять. Гиерон II предал пунийцев, при случае предаст и нас. Так что шанс Марцеллу предоставится, главное — не упустить его.

Вот и сейчас Марцелл размышлял на верховой прогулке и обменивался мыслями с сыном, названным тем же именем — Марк Клавдий Марцелл. Возможно, когда-нибудь анналисты введут даже понятие династии Марцеллов и отметят ее вклад в величие Республики. Но это будет потом. Сейчас же важно добиться успехов в борьбе с карфагенянами. Сын радовал Марцелла-старшего. Он молчал тогда, когда это требовалось, но при этом нередко задавал вопросы, с одной стороны свидетельствующие о тонком уме, с другой же — позволявшие отцу самому систематизировать все происходящее. Так и в этот раз: отец и сын не столько наслаждались впечатляющими видами римских окрестностей, сколько, нагрузив прежде должным образом тело, вели необходимый для разума и последующего политического будущего разговор.

В очередной раз беседа была посвящена Семпронию и его шансам на успех. Сын правильно понимал обстановку, но ему не хватало того чутья, что было присуще самому Марцеллу. Он буквально рассчитывал на поражение Семпрония, например, при высадке в Африке. Отцу пришлось поправлять Марцелла-младшего, избыточно поддавшегося юношеской горячности.

— Пойми, — говорил он. — Мы не можем и не должны надеяться на разгром и унижение Семпрония, ведь это косвенно ударит и по нам: он представляет нашу политическую партию. Этим воспользуются недруги. Причем как Сципионы, так и Фабии, которые недовольны нашим усилением и ожидают, что мы останемся у них на побегушках.

— Неужели Фабии настолько коварны, отец? — воскликнул Марк-младший.

— Здесь речь не о коварстве. Они политики, а политики обязаны учитывать все варианты, в первую очередь рассматривая риски как для себя лично, так и для своей партии. Ведь что нужно Фабиям? Чтобы мы делали за них грязную работу, а они пользовались всеми ее плодами. Надо отдать им должное, нам тоже кое-что достается, в противном случае мы бы не были там, где оказались. Но основную политическую прибыль получает Квинт Фабий Максим. Ты ведь не думаешь, что я был рад схватиться с Бритомартом на войне с галлами. Конечно, нет. Я очень сильно рисковал, ведь этот галл был весьма ловок и силен, малейшая случайность могла погубить меня. Но такой риск принес политические дивиденды лично мне, а потому я был вынужден пойти на него.

— Тогда что же мы ждем от Семпрония?

Хорошие вопросы задает сын. Сразу видно строго римское воспитание. Ведет себя почтительно, не лезет со своими идеями, которые наверняка, в силу понятной юношеской горячности, неверны, а позволяет отцу и лидеру партии изложить свое видение ситуации.

— Если Семпроний не позволит пунийцам высадиться на Сицилии или поднять на этом острове восстание, мы можем считать, что он выполнил свою задачу. Тогда мы представим его деятельность таким образом, как будто именно он обеспечил бесперебойное снабжение Республики хлебом, а это, в свою очередь, станет важным элементом борьбы при распределении должностей на следующий год. Война не закончится в этом году, поэтому мы должны рассматривать варианты на будущее. Хорошо бы, конечно, захватить все острова между Сицилией и Африкой — это станет неплохим плацдармом для последующей высадки.

— Но высадка нужна?

— Безусловно. Нельзя добиться решительной победы, если не создать смертельную угрозу врагу. В прошлой войне, как ты знаешь, мы не смогли эффективно перенести боевые действия в Африку. Консул Регул проиграл нанятому карфагенянами спартанцу Ксантиппу, а после этого достаточных сил для высадки у нас не было. В результате случился Лутациев мир, который лишь дал время для подготовки к новой войне. Теперь она началась, и мы должны сделать все для того, чтобы более Карфаген никогда не смог нам угрожать. Ну и при этом достичь своих целей. Укрепить политическое положение семьи, да и денег раздобыть — политическое влияние обходится недешево.

— Отец, а когда станет возможной эта высадка?

— Думаю, что не раньше следующего года. Но скорее бы я ориентировался на то, что срок придет через два года — надо еще посмотреть, как там Сципионы будут сражаться с Ганнибалом. Если же сын Гамилькара прорвется в Италию, к чему он явно стремится, то изменится сам характер войны и о высадке придется пока забыть.

— Я правильно понимаю, что ты стремишься стать консулом именно к моменту высадки?

— Совершенно верно. А для этого необходимо, чтобы Семпроний не потерпел тяжелого поражения. Пусть лучше ограничится Сицилией. В Африке ему пока не справиться. И дело не в том, что он слаб, а в том, что у Карфагена еще много ресурсов, чтобы защитить свою родную территорию. Так что пока необходимо измотать его, ну а потом мы добьемся успеха.

— Разрушим Карфаген?

— Может быть, и разрушим. Но надо понимать, что осада такого города — дело непростое. Возможно, мы принудим его к капитуляции и включим в число союзов. Богатый город, который будет существовать в интересах Республики — чем плохо?

При последних словах Марцелл рассмеялся. Действительно, хорошая идея. Если разрушить Карфаген, то пожить можно будет с избытком, но один раз. Если же обеспечить должный контроль над денежными потоками, которые пойдут из Карфагена в Рим, то становится возможным регулярное получение значительных сумм денег. А они весьма пригодятся в политической борьбе. И со Сципионами, и, вполне возможно, с Фабиями.

Эх, Фабий... Вместе воевали в Сицилии, вместе вели политическую борьбу со Сципионами. Именно в интересах Фабия обеспечивал Марцелл назначение триумвиров, распределявших землю, чтобы именно клиенты Фабиев получали наделы. А все равно приходится бороться между собой. И борьба эта будет только усиливаться и ужесточаться. Столько раз спасали жизнь друг другу на войне, что должны были бы стать вечными друзьями, но нет. Политика сильнее войны. Она разъединяет, ожесточает, ссорит. Проклятое занятие.

Сын молчал и не нарушал раздумья отца. Вот оно, римское воспитание. Ладно, пусть молчит, теперь самому Марцеллу подумать надо. И не в том дело, чтобы систематизировать мысли, в этом плане день уже удался. Тренировки и размышления — что еще нужно крепкому, не старому еще мужчине пятидесяти двух лет? Сейчас, после всего сказанного, навалилось прошлое, которого, хвала богам, было немало. Богатое прошлое — завидный политический капитал. Но это еще и воспоминания, которые давят. И чем больше проходит времени, тем больше давит груз прошлого. Эх, если бы удавалось забывать что-либо по собственному разумению. Но даже богам это недоступно. Убил Аполлон Гиацинта, но не мог забыть, вот и сделал цветком, глядя на который вспоминает смертного друга. Красивый миф. Но он отображает опасности, которые таит в себе человеческая память. Стоит сохранить в ней что-то излишнее, и оно в любой момент может появиться и убить тебя самого. Нет, надо специально ожесточать свое сердце, например, беспощадностью к врагам, тогда и призраки прошлого не проявятся.

Конец раздумьям положил вестник, который во весь опор мчался в сторону Марцелла. Парень настолько запыхался, что охрана даже вынуждена была его остановить — не замыслил ли он недоброе, а за вестника лишь выдает себя случайно. Но не оказалось ничего необычного, лишь вечный короб для послания. Вчитавшись в присланную весть, Марцелл отбросил все мрачные мысли, внезапно обуявшие его в тот день, и крикнул сыну:

— Срочно в город, к Фабия!

— Конечно, отец!

Уже в бешеной скачке Марцелл мысленно похвалил отпрыска. Наверняка ведь сгорает от нетерпения, но не позволил себе задержать главу семьи расспросами. Скорее в скачку, а там, если будет что-то, чем необходимо поделиться, отец его ознакомит. Настоящее римское воспитание, одним словом.

А письмо очень интересное. Проклятый карфагенский звереныш Ганнибал форсировал реку с варварским названием Ибер. Он уже вышел с территории, подвластной Карфагену, и движется на север. И сегодня, спешно принеся жертвы, консул Сципион уже направился в Остию. Ах, жаль, что не забыл этот патриций испросить воли богов. И наверняка ведь получил благоприятную. Не допустил ошибки. Возможно, узнал еще вчера, но придержал информацию, а то, глядишь, Фабий нашел бы повод и еще один легион у него отобрать, и заставить набирать новый. Потому что понимает Сципион природу такого неожиданного галльского восстания. Никогда бы не подумали боии и инсумбры самостоятельно бунтовать — дождались бы Ганнибала. У них не так много воинов сейчас. Многих настиг меч солдат Марцелла, значительное количество продали в рабство. Имеющимися силами они бы не поднялись. Могли бы присоединиться к карфагенянам, если те доберутся до Италии. Поэтому хитрость Фабия очень удачна. Ограниченный мятеж. Но выступление политического противника отложено. Все понимает Сципион, да только озвучить претензии никогда не сможет — доказательств-то нет. Но потому и вышел почти тайком — опасается препятствий. Ну да ладно, все равно этому надменному патрицию не улыбнется Фортуна. Она будет на стороне Марцелла. Главное — не упустить ее.

С удовольствием подставляя лицо встречному ветру, Марцелл продолжал размышлять. Конечно, надо продолжать держаться Фабия. Он очень силен и влиятелен. А уже во время войны искать возможности привлечь дополнительный ресурс уже для своей семьи и клиентов. Вот тогда можно будет сыграть в самостоятельную игру. А до тех пор надо опасаться не

только Сципионов, но и плебейских выскочек вроде Гая Фламиния. Сам Марцелл, как и его предки, действовал поступательно, не пытался достичь всего и сразу. Они последовательно занимали магистратуры, всячески демонстрируя преданность Республике и староримским добродетелям. Поэтому они заслужили уважение и со временем были введены патрициями в соответствующие политические группы. Как ни относиться негативно к патрицианским семьям, а за ними влияние, за ними история, за ними политический ресурс. И то, что Марцелл принят у Фабия, является очень важным для него человеком, говорит о многом. Это не связано лишь с народным восхищением. Восхищение придет и уйдет, оно даже померкнет, если просто не будет поводов напоминать о себе. Но место в партии так просто уже не потеряется. Так и надо идти, пусть этот путь и долог.

Фламиний же из новых людей. Они хотят всего и сразу. Если должность, то консульская. Если закон, так непременно направленный против элиты. Безусловно, это нравится плебеям, особенно черни, но подобная любовь преходяща. Даже одержанная Фламинием победа над галлами уже подзабыта, пусть Марцелл и Гней Корнелий Сципион лишь довели до конца дело, фактически сделанное выскочкой. Народ не волнуют такие мелочи. Так что стоит Фламинию оступиться, как его недавние почитатели сами и накинутся на него. Но пока он опасен. Как для патрициев, так и для тех плебеев, которые, если верить лозунгам, кидаемым им черни, оторвались от народа. Подлый демагог. Умудрился в число обвиняемых включить и самого Марцелла. Пусть потом не обижается, что Марк Клавдий не подаст ему руки.

* * *

Солнце медленно поднималось над Сиракузами, но жарило уже немилосердно. Гиерон II обвел покрасневшими от недостатка сна глазами огромный городской порт и повернулся, чтобы покинуть стены Ахрадины. Не в его возрасте опалать себя гневом Гелиоса. Пусть сейчас и весна, но она в этот раз очень жаркая, и многие дни уже под стать лету. Поэтому надо удалиться в затененные залы дворца, где неплохо было бы и подремать. В последние годы сон приходит далеко не каждой ночью, поэтому необходимо пользоваться каждой возможностью отправиться в царство Морфея. К сожалению, эта весна не позволяет отдохнуть днем, а когда тебе уже почти девяносто лет, невозможно трудиться как в молодости, пусть твой ум еще и достаточно остер. Но, увы. Амбициозная молодежь Рима и Карфагена вынуждает его и в старческом возрасте принимать активное участие в делах. Вот и сегодня соберется царский совет, который должен обсудить последние новости и выработать предложения своему повелителю, дабы он мог принять ответственное и мудрое решение, направленное на благо родного государства.

Сегодня совет вновь будет много говорить, утомляя своего царственного господина, но большинство участников совещания мыслят только сегодняшним днем, они не могут смотреть в глубь времен, не в состоянии оценить все то, что видел сам Гиерон. В конце концов, большинство его давних соратников уже мертвы либо выжили из ума, а потому доживают свой век на попечении родственников и не могут быть приглашены для участия в совете. Молодежь же ориентируется на Гелона, сына и в последние годы соправителя Гиерона II, который, к сожалению, излишне порывист и трепетен. Это неудивительно для молодого человека, но совершенно непозволительно для того, кто ответственен за государство.

А, ну вот они все уже и собрались. Стоят, ожидают царя. Никто не осмеливается сесть, потому что правитель Сиракуз известен крутым нравом и строгостью в части соблюдения этикета. Гиены, наверняка ждут, когда он наконец умрет и их повелитель Гелон станет полномочным повелителем. Ох, куда может привести их собственное честолюбие! Анدرانодор и Зоипп уже вовсю, как доносят, агитируют за карфагян. Значит, и Гелону они вливают этот яд в уши. Если бы они видели то, что видел Гиерон, они бы даже не обмолвились о перемене

союзника. Рим непобедим, как эти молодые идиоты не понимают очевидного? Рим разбил Пирра, разбил карфагенян. Небольшое римское войско одержало победу и над армией самих Сиракуз, после чего римское правительство проявило милость и позволило заключить с ними союз. Победят они и Ганнибала, как бы талантлив он ни был. Мало ли таких талантов было у карфагенян в предыдущей войне. Ну и вот их уже нет, а Рим стал только сильнее. Но как внушить этим глупцам то, что из ныне живущих знаешь только ты? Для них ты лишь зажившийся на свете старик, который все никак не уймется и не даст им править самостоятельно. И не избавишься от них так просто. Гелон — сын, Андранодор и Зоипп — мужья дочерей Гиерона. Ладно, послушаем, с чем они выступят на этот раз.

— Отец, пришли вести из Иберии. Ганнибал выступил на север и уже форсировал Ибер. Сейчас он подчиняет ранее неподконтрольные Карфагену иберийские племена и собирается двигаться дальше. Его очевидная цель — Италия. Мы должны реагировать на подобное, в противном случае можем оказаться врагами и тех и других, — начал обсуждение Гелон.

— Реагировать мы, безусловно, будем. Но остается вопрос, каким образом. Прошу высказываться благородных участников совета. — Гиерон II и так знал, о чем будет говорить каждый из присутствующих. Но ответственный властитель обязан дать каждому возможность озвучить его позицию, даже если не собирается принимать ее во внимание.

— Ну вот и настало наше время. Римляне и карфагеняне сцепились в новой смертельной схватке, как будто предыдущей им мало было. Теперь они точно поведут войну на уничтожение. Так что и мы сможем чего перехватить, — как всегда, напористо повел разговор Андранодор.

— Интересно, и в чем же наше время, по-твоему, заключается? — ехидно поинтересовался вечный оппонент Андранодора Фрасон, известный своим благоговением перед Римом.

— Ну это же очевидно. Мы должны дожидаться проявления таланта Ганнибала. И если он не позволит римлянам себя разбить, то нам следует заключить союз с Карфагеном, — не унимался Андранодор.

— Интересное предложение. И зачем же нам этот союз? В прошлую войну Сиракузы, наоборот, выиграли тем, что приняли сторону Рима, — немедленно ответил Фрасон.

Начиналась перепалка. Вот так всегда и происходит, когда собираются непримиримые оппоненты. Почему-то принято восхвалять мудрость древних. Но древние всегда настаивали на том, чтобы в совете были представлены все возможные точки зрения. Сколько Гиерон себя ни помнил, подобная полярность мнений никогда не позволяла достичь приемлемых результатов. Здоровая дискуссия нужна и крайне важна. Нередко происходит так, что лучшее решение не соответствует ни одной из изначально заявленных позиций, но в ходе обсуждения фокус внимания смещается и вырабатывается то решение, которое потом оказывается наилучшим. Но подобное возможно лишь тогда, когда собрались единомышленники, которые смотрят на ситуацию под несколько разными углами. Если же взгляды диаметрально противоположны, то это балаган, а не дискуссия. Лишь в театре могут изображать дело так, как будто в совете побеждает тот, кто кричит громче. На самом деле в конечном итоге возобладает то мнение, которого придерживается царь. Горе той стране, царь которой не имеет своего мнения. Мнение же Гиерона давно и хорошо известно — необходимо придерживаться союза с Римом. Почему же так неистовствует Андранодор? Почему поддерживает его Зоипп? Ответ прост и даже очевиден. Они знают, что Гелон сомневается в Риме, не доверяет ему, вот и хотят продемонстрировать свое рвение. Гиерон стар. Не сегодня-завтра Харон повезет его душу через Стикс. И вот тогда надо быть рядом с Гелоном. Но как объяснить этим глупцам, что они не видят дальше собственного носа? Что Карфаген вновь проиграет. И важно быть на стороне победителя. Пусть и без возможных богатых трофеев, но живыми. И Сиракузы будут целы. Вот только сегодня осматривал порт со стены крепости. Каким оживлением он полон. Как легко дышится здесь. Но стоит выступить против Рима, и все пропало. Римляне не простят. Они предадут

огню Сиракузы и не пощадят никого в городе. Они хуже варваров — грубые и алчные. Сокровищница сиракузских царей привлечет их, ради нее они матери родной не пощадят, не то что каких-то греков.

А перепалка меж тем продолжалась. Сановные участники перешли уже к перечислению красочных эпитетов, характеризующих качества друг друга. Вот это, наверное, и есть старость, казалось Гиерону. Ты вроде бы не просто жив, но вполне успешно царствуешь. А прямо у тебя под носом члены царского совета устраивают отвратительную перебранку и того гляди вцепятся друг другу в горло. Интересно, если он проживет еще пару лет, увидит ли он драку во время совета? Впору попросить римлян прислать несколько гладиаторов. Они, по крайней мере, сильные и ловкие люди, развлекут его получше этих ничтожеств. Но до чего же противно смотреть на них. Попробовали бы советники Дионисия Старшего хотя бы обронить грубое слово в присутствии царя, а тут соревнуются в площадной брани едва ли не с удовольствием. Верно говорят философы, мир катится к упадку. Вот и Аристотель писал об этом. Эх... Аристотель учил самого Александра. Где же наши Александры! Нет никаких сил слушать эту перепалку. А стоит ее прервать, так будут распускать слухи, что царь уже настолько стар, что не может присутствовать в совете. И родной сын поддержит эту ложь.

Гиерон поднялся и махнул рукой, чтобы спорщики наконец смолкли. Невзирая на свою ярость, Андранодор и Фрасон немедленно повиновались и с несколько виноватым видом поклонились. Царь вновь взмахнул рукой, приказывая всем удалиться, а сам вышел на террасу, надежно прикрытую от палящих солнечных лучей. Немедленно прибежали рабы с удобным креслом, которое особенно любил Гиерон II. Один из слуг при помощи опахала начал создавать приятный ветерок. Вот сейчас бы и вздремнуть, а не идет сон. Что же будет с городом, с государством, что себе думает Гелон? А вот, кстати, и он. Не ушел, как остальные, делает вид, что его отцовский приказ не касается. Наглец. Да, он соправитель, но все решения по-прежнему принимает сам Гиерон. Нельзя вести себя так, как будто они равны. Не может быть в Сиракузах двух царей. И соправителем-то назначил сына престарелый царь лишь потому, что уступил мольбам своих дочерей. А они не женщины, они просто Эринии — и мертвого доведут до белого каления. Не стоило их слушать, но сделанного не воротишь. Теперь же придется слушать сына, что он там опять надумал.

— Отец, — начал Гелон. — Я прошу тебя не гневаться. Но подумай, какой это шанс для нашего государства.

— Ну, конечно, шанс. Шанс сгинуть — это, наверное, ты хочешь сказать?

— Ни в коем случае. Сицилия — это мост между Африкой и Италией. Рим и Карфаген вновь схватятся за нее. Не чувствуя себя твердо на Сицилии, Рим не сможет атаковать Карфаген. Но и пунийцы не смогут двинуться в Италию в обход Сицилии — все морские пути контролируют местные флоты. Даже если Ганнибал вторгнется в Италию с севера, ему нужны подкрепления. А получить их он может только через наш благословенный остров. И мы можем стать теми, кто будет решать, чей же жребий опустится к Аиду.

— Ты прав. Мы можем решать это. Не если только попробуем решить, то к Аиду опустится наш жребий.

— Но почему? Пунийцы и римляне вцепились друг другу в глотки, как бешеные псы. Они не успокоятся, пока кто-то из них не испустит дух. Они очень сильны, а потому появляется шанс у тех, кто слабее, у тех, кто выберет подходящий момент для вступления в схватку.

— Мы уже в нее вступили. Мы ведь связаны с Римом союзным договором, а потому будем на его стороне. Надо помогать римлянам, чтобы они давили карфагенян, а у тех не было возможности высадиться на Сицилии.

— Но в прошлой войне ты изменил Карфагену и перешел на сторону Рима, — не удержался от подначки Гелон.

— Вот именно. Ты не видел со всей ясностью того, что довелось лицезреть мне. Эти картины до сих пор перед моим мысленным взором, как будто бы все произошло только вчера. Небольшой римский отряд наголову разбил наших отборных наемников. Римляне впервые погрузили весла в воду и уничтожили флот признанных мореходов карфагенян, которые ведут флотоводческие традиции еще со времен расцвета Тира и Сидона. Рим непобедим. И наше счастье заключалось в том, что они благосклонно приняли наш переход в их стан. Изменять римлянам нельзя. Рим не простит. Он будет вести войну со всей жестокостью и уничтожит Сиракузы.

— Риму придется воевать с Карфагеном, отец. У него не будет достаточно солдат и кораблей. Сиракузы неприступны.

— Нет-нет. Рим найдет способ победить и здесь. К тому же если ты думаешь, что карфагеняне забыли мое предательство, то горе мне, ведь я вырастил слабоумного сына. Даже если бы я предположил, что пунийцы победят, то следующим придет и наш черед. Они коварны настолько, что все греки и македонцы вместе взятые — дети по сравнению с ними. Рим же будет держать свое слово.

— Перед тобой — да. Но мне Рим слова не давал. Возможно, римляне согласятся на переход короны ко мне. Но вот уже в правах своего сына и твоего внука Гиеронима я не уверен. Они могут даровать ему право жить в Риме, но не править Сиракузами, которые станут одной из их провинций.

— В самом худшем случае это все равно лучше, чем быть уничтоженными одной из великих держав, если мы изменим своему слову.

— Но мы могли бы затребовать от карфагенян власть над всей Сицилией. И тогда у нас будет достаточно сил, чтобы противостоять даже столь могучему сопернику. Пока Карфаген восстановит силы после войны, мы консолидируем остров под своей властью. Слава Дионисия Старшего померкнет, и пунийцы не рискнут сунуться сюда.

— Тебя обуяла гордыня, сын. Я вижу, что уговоры на тебя не действуют. Так что слушай мой приказ — царский и отцовский одновременно. Готовить письмо в Рим. Запросим, какая помощь им нужна. И заодно отправь туда продовольствия. А то вдруг Ганнибал вторгнется в Италию. Также приказ капитанам кораблей. Усилить патрулирование у берегов. Чует мое сердце, скоро здесь объявятся разведывательные корабли из Карфагена. Атаковать они, конечно, будут западный берег, где еще жива память об их управлении. Но разведчики могут оказаться и здесь. Обязательно брать живых пленных для допроса. И все новости немедленно мне. А теперь уходи.

Покидая террасу, Гелон не мог скрыть разочарования. Эх сын, думал Гиерон II. Как жажда власти и славы слились в тебе. Они затмевают взор. Лучше бы римляне поскорее победили. И тогда избавили бы престарелого царя от тяжелого выбора...

Переправа через Родан

Карталон стоял на берегу огромной реки и испытывал восхищение, смешанное с удивлением. Это сочетание чувств даже вытеснило раздумья о воюющей на противоположной берегу толпе галлов, настроенных явно недружелюбно по отношению к карфагенянам. Родан превосходил по своим размерам и скорости течения все реки, ранее встречавшиеся сыну Гисгона. Несомненно, любое море, за исключением нескольких небольших соленых водоемов, раскинувшихся далеко на востоке, больше этой реки, но когда такая масса воды течет в одном направлении, да еще и с неумолимо высокой скоростью, это внушает чувство, близкое к почтению. И никакое варварское племя не сможет выглядеть более величественно, нежели такая

река. Тем более что уже многие месяцы тяжелые думы отягощали карфагенского аристократа. Что такое на фоне его смятения какие-то очередные враги, особенно если впереди противник совершенно иного масштаба. А вот огромное количество текущей воды, наоборот, успокаивает, позволяет собраться с мыслями и даже где-то отринуть тревоги, стиснувшие сердце. Родан течет, невозмутимо взирая на всю происходящую вокруг него людскую круговерть. Придут и уйдут карфагеняне, сменятся эпохи, совсем другие народы могут заселить эту местность, а великая река будет все нести и нести свои воды к морю. Так было, и так будет. Как будто здесь конец всех путей.

Впрочем, хочется надеяться, что нам до конца всех путей еще далеко. Правда, как говорится, на богов можно надеяться, но и самому не следует зевать. Так что необходимо задуматься о том, как устранить эти препятствия на пути карфагенского войска. А множественное число применяется в данном случае к препятствиям, потому что природная преграда дополняется врагами, ожидающими, когда пунийские наемники войдут в воду и окажутся беззащитными перед мощным и одномоментным варварским ударом. Совсем не улыбается перспектива утратить воинскую выучку и уподобиться карпетанам у Тага. К тому же совершенно невозможно переправлять слонов, когда на другом берегу враг. Так мы потеряем едва ли не ключевое оружие, которое традиционно использовала карфагенская армия. Впрочем, в предыдущей войне с римлянами слоны не слишком нам помогли. Под Панормом Республика не просто проиграла битву, но и потеряла сто двадцать боевых слонов. Но выбирать не приходится — мы собираемся воевать на территории врага, а потому должны использовать любой шанс, пытаться обернуть его в свою пользу. А сейчас надо придумать, как перейти эту проклятую реку и не потерять все. А потерь, невзирая на подготовку к походу, у нас немало.

Сколько времени было потрачено на зимнюю подготовку к переходу в Италию! Казалось, нельзя было подготовиться лучше, но ведь понимаешь — стоит затем встретиться с преградой, как сразу кольнет мысль: ну неужели нельзя было это предусмотреть? Хотя подобное чувство свойственно всякому, кто размышляет. Если ты вдумчиво прорабатываешь варианты будущих действий, то всегда стараешься предусмотреть максимум действий противника, предугадать собственные ошибки. И когда что-либо идет не по плану, досадливо кривишься — ну оно же на поверхности было, почему не учел? Кто не знает этого чувства, тот никогда не размышлял по-настоящему. Вот и сейчас думаешь, ну почему заранее не предусмотрели, что не просто Родан столь велик, но кроме того, что именно в момент переправы путь преградит враг?

А ведь подготовка действительно была близка к образцовой. Убедили галльское посольство в том, что бунтовать против римского владычества рано — надо дожидаться прихода Ганнибала. В противном случае это будут только лишние жертвы, которые немало порадуют римлян. Вроде бы согласились послы, отбыли к себе. И зимой тоже. Распустили опытных воинов по домам. Пусть отдохнут, промотают денежки. Ну а ближе к весне все сойдется: жажда наживы, надоедливые домашние, опасения репрессий со стороны карфагенских властей, если не вернешься под знамена Баркида. Это и молодежь позволило привлечь. Да и с теми, кто оставался в армии, немало полезных занятий за зиму провели — они стали хотя бы подобием солдат. Хотя бы не разбегутся в первом же бою, а рядом с опытными наемниками и сражаться будут неплохо. Там потом и сами опыта наберутся. Но и кроме непосредственно пополнения армии шла подготовка. Состряпали вдвоем с Адгербалом письмо к его отцу в Карфаген. Надо вторгнуться в Сицилию. Карталон не питал иллюзий, что пунийцы смогут закрепиться на острове, если на их сторону не склонятся Сиракузы, на что надежды, конечно, нет. Зато получится сковать римские силы. И в Африку будет вторгнуться сложнее, и не кинут римляне все, что имеют, против Ганнибала.

Гасдрубал Баркид оставался командующим в Испании. Ему тоже нужна армия для обороны от римлян, да и от восстаний местных племен также — вдруг какие-нибудь карпетаны попробуют взбрыкнуть, рассчитывая на то, что лучшие воины уйдут с Ганнибалом. Пусть

Гасдрубал хотя бы количеством берет. Ему в армию набрали иберийцев с юга полуострова. Они давно живут под властью Карфагена, а потому навряд ли поддержат римлян. Ну и из Африки ему завезли воинов. Если будут мятежи, то подавлять их надо силами чужеземцев. Поэтому и иберов, набранных с земель ближе к Иберу, направили в Карфаген. Там тоже нельзя исключать бунтов. Да и в случае чего заложники понадобятся. Командуют чужеземными контингентами и в Африке, и в Испании сыновья старейшин. Вожди побоятся бунтовать, если будут знать, что их родная кровь ответит за неповиновение. Еще и неплохой флот построили для Гасдрубала Баркида. Он, конечно, смешной на фоне огромных флотилий, сражавшихся в прошлой войне с Римом, но для обороны побережья сгодится. Тем более что вся эта армия должна постоянно тренироваться и поддерживаться в состоянии готовности к отражению римской атаки.

И сейчас вся подготовка может пойти насмарку. Мы так долго тащились до Пиренеев, потом по Галлии, теперь теряем драгоценное время у Родана. Время же течет неумолимо. Оно приближает нас к зиме. И чем ближе к зиме, тем больше людей мы потеряем в этих Альпах, до которых еще не один день пути. И сколько потом пробираться через эти горы. Если уж многократно обработанные племена иберов и галлов встретили нас совсем недружелюбно, то ожидать теплого приема от совершенно диких племен горцев не приходится. Не ровен час, мы все там останемся. И вспомнят о нас будущие поколения только то, что жили такие безумцы, взялись за дело не по плечу да сгнули, даже не начав его. Хороший будет пример для нравов, аудиторией для которых станет излишне восторженная молодежь.

А жена и дочь в Карфагене. Когда подготовка к походу уже завершалась, Ганнибал отправил жену и сына на родину. Вместе с ними отправились и семьи Карталона и Адгербала. Как было условлено заранее, Аришат и Рохана сразу после их приезда отправили послания в Новый Карфаген. Карталон успел получить весточки еще до выступления. Не сказать, что в Африке сильно безопасно, но всяко надежнее, нежели в Испании, пусть женщины и родом оттуда. Но никакое родство не поможет: иберы вполне могут восстать, как только римляне высадятся тут. Слишком много дров наломали мы в Сагунте, слишком много. И еще не раз придется пожалеть об этом.

Хорошо еще, что жена достаточно умна, чтобы понимать все это. Она, конечно, чистокровная иберийка и никогда не была за пределами испанских владений пунийцев, а потому ей несколько не по себе от перспективы жизни в совершенно другой стране. К чему обманывать себя — Карфаген и его колонии представляют собой совершенно различные страны. И чопорность пунийцев, вынужденных жить вне родного города, существенно снижается. Ну а с тем, кто продолжает смотреть на окружающих не просто свысока, а из поднебесья, может произойти несчастный случай. И стремление соблюдать древние обычаи на родине гораздо сильнее. Не потому ли сам Карталон уже пять с лишним лет как покинул вроде бы родной город, но не испытывал ни малейшей жажды вернуться туда? Рохане, выросшей в условиях непринужденной варварской свободы, непросто будет ужиться с тамошними порядками. Так что нечего и думать, будто она получит удовольствие от пребывания в Африке. Но там всяко безопаснее. Даже в случае военных неудач Карфаген будут защищать до последнего. И, скорее всего, высшая знать переживет эту войну. Важно, конечно, Рохане и самой не допустить ошибок. Немало разговоров на тему будущего состоялось у Карталона с женой за последнюю зиму. Один из них, случившийся незадолго до отъезда Роханы, запомнился особенно.

Карталон долго рассказывал жене об обычаях своей родины, не скрывал их жестокости и нетерпимости к чужакам. Они специально говорили на его родном языке, чтобы Рохана лишний раз попрактиковалась. Пусть лучше говорит чисто. То, что она варварка, никто не забудет, но верность карфагенским обычаям и умение говорить на пуническом языке оценят. В любом случае будет выглядеть очень выигрышно на фоне жен Ганнибала и Адгербала, которые до сих пор лопочут с чудовищным акцентом. Ладно Ганнибал, он почти не замечает жену. Но Адгербал-то явно влюблен в свою Ипульку. Как он с ней только разговаривает, ведь он,

хоть и владеет парой иберийских диалектов, но презирует языки подчиненных народов. Для Роханы специально сшили типичные карфагенские платья. Мрачноваты и не соответствуют ни ее внешности, ни вкусу, но лучше не выделяться. Слишком много недобрых глаз будет следить за ней и ждать ошибок.

— Пойми, Рохана, — говорил Карталон. — Ты должна вести себя так, как будто ты родилась в Карфагене, и вся твоя семья входила в элиту нашей страны не одну сотню лет. В принципе, так оно и есть, ведь мой отец отсчитывал свою родословную от самой Элиссы. Не знаю, насколько это правда, но он в любом случае был родовитый аристократ. Но тебе хорошо известно о моем туманном прошлом, да и напомним тебе о нем не раз. К тому же для карфагенских аристократов ты варварка. Поэтому ты должна быть почтительна к ним, хорошо говорить на нашем языке, не отпускать колкостей. Не дай им повода еще больше тебя возненавидеть. Ну а если Танит будет к нам милостива, то после победы мы найдем нужные аргументы для вдумчивого разговора с каждым, кто косо посмотрит на нас.

Жена все понимала, а потому и спорила только для вида. Но Карталона так просто не проведешь — он прекрасно видел, что Рохана все решила, но демонстративно спорит. Ладно, подыграем чуть-чуть, ведь эта комедия может и повеселить. А веселье всегда пригодится. И особенно в тех тяжелых испытаниях, которые только начинаются. Рохану очень интересовала Аришат. Понятно, рассчитывает быстро очаровать и манипулировать в дальнейшем. А это гораздо проще сделать, если заранее узнаешь человека.

— Я давно не видел сестру, да и переписывались мы редко. Но могу дать тебе совет. Конечно, как правило, совету никогда не следуют, а лишь используют в последующем, чтобы обвинить советчика в собственных неудачах, но ты все равно послушай. Аришат родилась и выросла в Карфагене. Этот город полон интригами и политикой. Поэтому не стоит рассчитывать ее перехитрить. Она неплохо ко мне относилась. Думаю, это отношение, скорее всего, сохранилось. Используй его. Поговори о том, как я тосковал. По родине, по ней, по нашему отцу. Она не поверит, но ей будет приятно. Возможно, что и подружитесь, насколько вообще возможна дружба между вами. И помни, что хорошее отношение со стороны аристократов — это твоя защита. Слабая, но защита. И не едь верхом, прошу тебя — для карфагенской аристократки это вульгарность.

Рохана задумалась, а Карталон резко переменял тему:

— Как ты думаешь, твой отец будет верен Карфагену? И не надо делать возмущенное лицо, я знаю, что ты не веришь в верность Индебила своему слову. Понятное дело, что сразу он не изменит. Но римляне могут высадиться в Испании, а командует здесь не Ганнибал. Вдруг Гасдрубалу начнет изменять военное счастье.

— Отец выждет, а потом примет верное, на его взгляд, решение, — выражение лица Роханы несколько смягчилось, и она заговорила без притворства.

— Вот, ты все понимаешь, — Карталон позволил себе довольную усмешку. — А если верное решение окажется неприятным для Карфагена, то старейшины могут обратить свой гневный взор на тебя. В таком случае главным связующим звеном между тобой и Карфагеном будет наша дочь Саламбо. Сколько бы ни злословили обо мне, пока Ганнибал не проиграет, они не посмеют открыто выбросить меня из рядов аристократии. А Саламбо моя дочь. В такой ситуации она станет залогом твоей безопасности. Береги ее. А если станет совсем тяжело, то беги в дом отца Адгербала Гасдрубала. Он — глава торговой партии, и у него достаточно сил, чтобы защитить тебя.

— Что мне нужно сделать, чтобы он достойно принял меня?

Умна жена, задает правильные вопросы. И даже приятное тепло растеклось по телу.

— Ходи к ним в дом. Гасдрубал стар и опытен. Не надо пытаться переиграть его. Просто будь почтительной, прояви уважение. Он это оценит. И подружись с сестрой Адгербала За-

Ашт. Я неоднократно говорил тебе об этом. За-Ашт не такая, как Аришат. Если Аришат пытается поддерживать торжественность, то За-Ашт — веселая хохотушка. Ты знаешь, что делать.

— Почему Аришат не сможет защитить нашу дочь и меня?

— Потому что ее муж, хоть и неплохой человек для карфагенянина, не слишком успешен в части должностей. За ним нет той силы, которая стоит за семьей Адгербала. Возможно, в этом еще одна причина сохранившегося неплохого отношения ко мне со стороны сестры.

И еще есть опасность. Наверняка жена будет осторожна. Но она может, во-первых, не понять то, в чем именно проявить осторожность. Во-вторых, поход будет долгим, она устанет. Может и от скуки или от расстройства утратить бдительность. Надо предупредить и об этом.

— Смотри, Рохана, в Карфагене много красивых мужчин. Ты будешь жить в доме моей сестры, но без мужа. Не исключено, что кто-то начнет оказывать тебе знаки внимания...

— Хороший же момент ты выбрал, чтобы начать читать мне морали, — возмутилась жена. Она добавила бы и еще немало резких фраз, но Карталон не был настроен зря тратить время.

— Я не строю из себя ханжу. И не скрываю того, что в походе у нас будет немало женщин. Но дело в другом. У меня много недоброжелателей в Карфагене. И среди потомственных землевладельцев, и среди торговой партии. Кто-то ненавидел моего отца, кого-то оскорбляют слухи о моем происхождении, кто-то хочет ударить по Ганнибалу, кто-то завидует моему положению рядом с покровителем. Причин для ненависти много. И они вполне могут изобразить любовь к тебе лишь для того, чтобы скомпрометировать, а через тебя ударить и по мне. Учти, что в Карфагене строгие обычаи. То, что в Испании кажется невинной шалостью, там раздуют как грех. И могут даже объявить неблагоприятным предзнаменованием для исхода войны.

— И что?

— Все очень просто. Как ты понимаешь, лично мне подобные слухи безразличны вне зависимости от твердости почвы под ними. Но Ганнибал не будет терпеть подобного позора рядом с собой, и мне придется реагировать. Даже если слухи не дойдут до меня, Аришат и ее муж знают, как я должен действовать в подобной ситуации. И они все сделают за меня, можешь не сомневаться. Прости за прямоту, но это правда. Так что мой совет прост — не подставляйся.

Тяжелый был разговор, но Рохана — умная женщина. Она и поняла все, и отблагодарила его той ночью. Какая-нибудь дурочка на ее месте начала бы корчить из себя непонятно что, а эта осознает, что Карталон думает о семье и о будущем. Ну вот и хорошо. Тем больше будет шансов выжить.

Ну и надо отдать должное жене. При расставании она вела себя достойно. Даже слеза получилась у нее, пусть и заметная, но скупая и очень благородная. Смотрелось хорошо, даже недруги не придерутся. Интересно, она воспользовалась какими-нибудь каплями или научилась скорбеть подобным образом самостоятельно? Прощаясь с женой и дочерью, Карталон ощутил какую-то совершенно неожиданную грусть. Увидит ли он их еще когда-нибудь? Только боги могут знать об этом. Но что это с ним самим? Неужели он привязался к кому-либо в этой жизни? Отец говорил, что свобода — это способность избегать привязанностей. И впустить кого-то в свою жизнь — это расстаться со своей свободой. Подобного нельзя допускать. А все-таки хочется увидеть Саламбо и Рохану еще. О Танит, подари этот шанс.

Ну а вскоре после расставания с женщинами войско выступило в поход. Орава, набранная Ганнибалом, огромна. Но никто не может знать о том, какая ее часть дойдет до Италии и сохранит ли при этом хотя бы подобие боеспособности. Долог путь, который предстоит. А в его конце — сражения с самым страшным противником, которого только можно встретить на земле. И который из-за нашего медленного продвижения получил шанс на упреждающий удар. Вполне возможно, что римляне уже где-то неподалеку и готовятся к сражению, в то время как карфагенская армия уже измотана переходом и понесла совершенно неоправданные потери.

А неприятности начались немедленно после форсирования Ибера. Баргусии, жившие на территории, через которую пролегал намеченный путь пунийского войска, взяли за оружие, а затем их примеру последовали и многие другие. Ганнибал был в ярости, ведь планировалось, что мы пройдем через эти земли прямо, не останавливаясь, уподобившись полету стрелы, а на деле теряли драгоценное время на поиски неуловимого противника, действовавшего на коммуникациях, убивавшего фуражиров, грабившего обозы. А объяснение предельно простое, пусть его и нельзя напрямую озвучить Баркиду. Наша жестокость по отношению к олькадам, ваккеям, карпетанам, а затем и к Сагунту привела к тому, что все окрестные народы видят в нас лишь будущих жестоких господ. Господ, отбирающих урожай, заставляющих молодежь отправляться на чужую для них войну, строящих собственные города на лучших землях. И, что немаловажно, сурово карающих за малейшую провинность. Вот и взяли местные жители за оружие, а раз они слабее, то и действуют исподтишка. А мы тратим время на их поиски, погони и мелкие стычки, в то время как в Риме консул Сципион, которому, как докладывают конфиденты, поручена война в Испании, собирает войско и уже готов вторгнуться и задержать нас здесь. Другой консул, Семпроний, готовится к переправе на Сицилию, а затем и в Африку, чтобы поставить Карфаген на край гибели. А мы вынуждены исправлять последствия ранее допущенных ошибок. Вот так, исправляем старые ошибки, а допускаем новые, подчиняя или уничтожая ранее свободные народы.

Что есть свобода? Труды скольких философов заставил прочитать учитель Сосил. И если Ганнибал и Адгербал читали без особого удовольствия, стараясь переключиться на описания битв и военных походов, то Карталона больше интересовали ответы на изначальные вопросы. Отец ведь тоже всегда говорил с ним о вроде бы простых вещах, которые на поверку оказывались ох какими сложными. А после его отъезда из Испании эти греческие философы заменили Карталону отцовские наставления. Занимательно было читать этих греков. Каждый из них писал о свободе. И каждый описывал ее по-своему, так, как видел он. Нередко эти описания противоречили друг другу, а читавший их карфагенский юноша, оторвавшись от текста, смотрел вдаль и размышлял о своем представлении, о том, чем является свобода лично для него. А для этих иберов что есть свобода? Они сражаются за возможность подчиняться своим темным вождям, которые зачастую даже не знают о том, что находится за пределами нескольких окрестных деревень, за грубых шаманов, за примитивных богов. Но это их боги. И эти иберы сами выбирают себе вождей. Может быть, именно в этом и заключается для них свобода. И если мы сражаемся с Римом, то зачем нам отбирать подобную свободу у других народов? Или гегемония, за которую на самом деле сцепились Карфаген и Рим, не подразумевает такой свободы? В мире гегемона не может быть других богов кроме богов гегемона. И чиновник, присланный из столицы, не терпит рядом с собой племенных вождей. Но что принесет такая гегемония покоренным народам? Ничего, кроме ожесточения. Оно будет копиться неслышно, незаметно, но в какой-то момент вырвется наружу огромной волной. И горе тому, кто окажется на пути такой волны.

Тем не менее победа над иберами была одержана, и эти земли объявлены частью карфагенской державы. Дорогой ценой это далось. И победителям, и побежденным. Память о многих убитых и казненных будет жить в местных деревнях и станет лучшей римской агитацией. Но и пунийское войско потеряло немало людей. Кто погиб в боях, а кто и просто дезертировал в ночи, дабы вернуться к своей мирной жизни. И как обвинить дезертиров, когда все понимают, что самые страшные испытания еще впереди. Вдобавок пришлось оставить здесь немалый отряд. Более десяти тысяч человек вручил Ганнибал юному Ганнону, только недавно прибывшему из Карфагена. Вот и очередная ошибка. Юноша очень молод и еще не изжил традиционную карфагенскую спесивость — не пойдут за ним воины, если высадутся в Испании римляне. Останется ему надеяться на помощь Гасдрубала Баркида, а тот засел в Новом Карфагене и может не успеть с подмогой. Воины же эти оченьгодились бы в Италии.

А у Пиренеев новая напасть. Более трех тысяч испанских наемников отказались переходить горы. И во главе у них Алорк, так щедро вознагражденный Ганнибалом в Сагунте. Наемники боятся идти в далекую страну. Сказываются последствия одного из состоявшихся военных советов. Ошибкой было говорить там жесткие слова, как ошибкой было считать, что все сказанное на совете останется тайной. И опять проклятый предатель Мономах спровоцировал эти ошибки.

— Путь в Италию долог и труден, — убеждал собравшихся Ганнибал Мономах. — Не под силу совершить это и одному человеку. А уж верить, что всю эту дорогу осилит войско, вынужденное тащить за собой обоз, управляться с лошадьми и слонами, это просто за гранью здравомыслия. Для войны с Римом нужна огромная армия, но как ее кормить на этом пути? Я даже не говорю о том, что надо добывать одежду, менять портящееся и негодное оружие. Просто еда. Кто сможет мне объяснить, как мы будем добывать еду даже для пятидесяти тысяч человек, если эти земли, через которые предстоит идти, населяют многочисленные и воинственные племена? Чтобы дойти до Италии, мы должны будем приучить воинов питаться мертвечиной. Дойдет половина войска, фактически съев вторую!

Вот тут и ошибся Ганнибал.

— Ты верно говоришь, Мономах. Путь в Италию труден. Но даже если придется пойти на такой шаг, который ты столь красочно описал, я не остановлюсь ни на мгновение. И если не будет иного выхода, я последую твоему совету.

В результате сказанные слова в чудовищно измененном виде стали достоянием гласности. И еще до выступления пришли донесения от конфиденентов, что римляне всюду распространяют слухи о том, что Баркид приучает свою армию есть человечину и даже сам питается только ею. И все в Италии в ужасе от подобных вестей. Как прикажете искать союзников в такой ситуации? Надо избегать подобных заявлений, которые враги могут без особенных усилий использовать в собственной пропаганде. А еще одним тревожным симптомом будущих проблем стало то, что Ганнибал сейчас гораздо хуже владеет собой, нежели раньше.

Если во времена борьбы с Красавчиком за первенство в Испании Ганнибал стремился как можно чаще находиться среди воинов, то теперь, ведя их в Италию, он как будто дистанцировался от войска. Баркид ограничил свой круг повседневных контактов лишь ближайшими советниками. Нет, он, безусловно, обращался к армии, но делал это скорее для проформы. В его словах и поступках начал проскальзывать необъяснимый ранее снобизм, вследствие чего Карталон вынужден был задуматься. Конечно, статуи воздвигали и для неудачливых лидеров, и для негодных полководцев, но не рано ли Ганнибал посчитал свое первенство неоспоримым? Пока мы сражаемся с Римом, мало кто покусится на его право лидера — никто не захочет взваливать на себя подобную ношу. Но стоит нам оступиться, как претенденты на командование соберутся вокруг, как стая гиен, и будут рвать друг друга на части, но больше всего нас. И нельзя давать им шанс, отдалась от тех, от кого зависит наше будущее — от воинов. Карталон старался обходить лагерь, разговаривать с солдатами, узнавать, что их тревожит, но вскоре начал ловить на себе косые взгляды полководца. Тому не нравилось поведение давнего соратника, но пока Ганнибал молчал. Взрыв произошел неожиданно. После тяжелого дня, наполненного долгой и бессмысленной скачкой, Карталон подсел к костру наемников и, перекусив с ними, присоединил свой голос к нестройному хору, напевавшему песню о доме. Беспокойные люди, составлявшие войско, будут тяготиться мирной жизнью: они не умеют ее устраивать. Но в таком тяжелом походе дом представляется блаженством. Конечно, между представлениями и реальностью на самом деле нет ни малейшей связи, но в умах наемников она крепче корабельных канатов. Поэтому надо им подыграть. Тем более им польстит, что карфагенский аристократ подхватывает нехитрый мотив, да еще и на их языке.

Как назло, рядом ошивался Адгербал. Скорее всего, у него и задней мысли не было. Но он решил, что Карталон потерял веру в себя и в их цель, сдался и хочет домой, как и грубые наем-

ники, их окружающие. И этот глупец потащил его прямо к Ганнибалу, надеясь, что тот вразумит старого товарища. Получилось же ровно то, что и должно было получиться. Уставший и раздраженный Баркид нашел, на ком выместить свое негодование. К тому же он наверняка пришел к выводу, что Карталон завоевывает популярность у войска, надеясь в будущем перехватить командование. Какая нелепость! Где он мог бы командовать? Никакое правительство Карфагена его бы не утвердило. А пытаться отделиться в Испании бессмысленно — не будет у него никогда твердой поддержки иберов. Но, видимо, есть у Ганнибала потаенная мысль о том, что норовят его подставить друзья. А, возможно, и растет желание со временем избавиться от них, вот и формирует недовольство. Так или иначе Баркид орал, а затем перешел к нравоучениям, что еще хуже. Напоминал о долге и достоинстве карфагенского аристократа, о том образе мыслей, который в нас формирует родина. О да, в Карталоне она многое сформировала, тут не поспорить. А Адгербал потом явно чувствовал себя виноватым и искал шанса поговорить.

Но не поймут они того, за что бьется Карталон. Эта армия жаждет наживы, побаивается командиров, но она не столь крепка, как кажется. И нужно быть ближе к солдатам, даже иногда нарушая дистанцию, если мы хотим иметь шанс на победу. Шанс... Какое робкое и осторожное слово. И какое летучее. Вот только был шанс, и вот его нет, он утерян. Ты бросился вперед чуть раньше или чуть промедлил, и все — ты поспешил или опоздал. И если не готовиться заранее, не формировать самые благоприятные основания для реализации своего шанса, он будет упущен, как будто никогда и не существовал.

Вот и отказ наемников переходить через Пиренеи стал следствием наших ошибок. Воины видят, как мы властвуем на их родине, видят яростное сопротивление, знают о тяжелом пути и необходимости сражаться с римлянами. Они видят, что командный состав отрывается от армии с каждым днем пути. И они задают себе вопрос: а за что они сражаются? И даже если они победят, не отберут ли алчные карфагеняне деньги, заработанные кровью и потом наемников? Да, у одного человека это гроши. Но у десятков тысяч... А если будут трудности, то не бросят ли их карфагенские полководцы? Такое уже бывало и не раз. И пусть массу воинства составляют необразованные иберы и ливийцы, но в преданиях пунийское вероломство укоренилось. А эти простые люди верят своим преданиям. Да еще они напуганы слухами о том, что им придется есть мясо своих товарищей, поскольку нет иного способа добраться до Италии. Вот где играют против нас неосторожные слова, брошенные на совете.

Поначалу Ганнибал пытался уговорить мятежных воинов следовать-таки за ним. Он взывал к их чести, соблазнял богатыми трофеями, пугал жестокими карами. Ничего не действовало. Карталон вспомнил сказания о странствиях Александра Македонского. В далекой Индии и его воины отказались следовать за ним, македонское ядро огромной армии, составленной к тому моменту из представителей десятков племен, потребовало повернуть обратно. И точно так же взывал македонский полководец, но не смог заставить их идти вперед. Говорили, что он затем нарочно повел их через пески Гедросии, надеясь в отместку уморить жарой и жаждой, в чем немало преуспел. Но эти воины уже были победителями, они стяжали славу и достаточно награбили. Они постарели, а с возрастом приключения уже не горячат кровь, как в юности. Здесь же солдаты готовы разбежаться по домам еще до начала настоящей войны. Что же будет потом?

Отчаявшись добиться своего уговорами, Баркид созвал военный совет и сгоряча предложил раздавить мятежников слонами. Такое предложение пришлось по вкусу воинам и тем, кто любит риск — Махарбалу, Магону Баркиду и племяннику командующего Ганнону. Мономах и Самнит отмолчались. И Карталон понял, что опять надо выступать против генеральной линии самому.

— Ты можешь, безусловно, уничтожить горстку бунтовщиков, — осторожно начал он. — Думаю, что открыто никто в войске тебе не возразит...

— Ты опять начал издалека, — прервал Карталона Ганнибал. — Но явно подводишь к тому, что сейчас ты скажешь: «Но», а затем все по привычке переиграешь. Говори уже, о чем думаешь.

Однако какое раздражение у Баркида вызывают советы, идущие вразрез с его собственным мнением, пусть и сформированным впопыхах. Так мы многого не добьемся. Нужны хоть какие-то успехи, чтобы смягчить нрав Ганнибала. Ну а пока придется продолжать.

— Многие воины боятся. Если три тысячи возражают открыто, то значит, тысяч десять мысленно на их стороне. И многие еще колеблются. Уничтожив высказавшихся открыто, ты устроишь остальных, но они затаятся и могут предать в самый неожиданный момент. Вспомни, неужели редки были в истории Республики случаи, когда воины сами убивали собственных полководцев?

— Трус! — закричал в бешенстве Махарбал. — Ты рассуждаешь как ибер, как галл, но не как карфагенянин.

Он мог бы еще многое сказать, но Ганнибал остановил ветерана жестом руки. Лицо Баркида было спокойно, но глаза метали молнии.

— Что ты предлагаешь?

Карталон мысленно несколько раз вздохнул. Ну вот и очередной момент истины. Проверка. Если он скажет все уверенно, а потом и обеспечит успешный результат, то еще некоторое время его месту рядом с Ганнибалом мало что сможет угрожать. До следующей проверки. Эх, отец. Это ли ты подразумевал, когда призывал держаться за место на вершине?

— Отпустить их. Пусть идут домой. И не пытаться преследовать втихую — об этом все равно узнают. И надо отпустить тех, кто тяготится службой. Надо сделать вид, что так мы укрепляем их верность. Пусть служат нам в Испании.

В палатке поднялся гулкий ропот. Все армейское руководство выступило против. Лишь Адгербал поддержал. Но как-то неуверенно. Чувствуется, что сердцем он в противоположном лагере, но хочет загладить эпизод с песней, а потому и поддерживает. Ганнибал молчал. Пауза длилась все дольше и дольше. Собравшиеся уже ожидали взрыва, когда Баркид спокойно вымолвил:

— Хорошо. Ты глубоко смотришь. А скоро мы пойдем, под верным ли углом. Вот ты и отберешь тех, кто тяготится. И смотри, чтобы нам было с кем идти дальше. Мы должны выступить как можно скорее.

Вот тут и пригодились сидения у костров. Карталон хорошо представлял себе и зачинщиков мятежа, и тех, кто им сочувствует. Он при помощи своих доверенных охранников довольно быстро отобрал сомневающихся и предложил им уйти. Те с радостью согласились. Накопленные ошибки давали о себе знать. Всего набралось около десяти тысяч человек. Ганнибал на прощание произнес чувственную речь и призвал уходящих верно служить Карфагену в Испании. Беглецы с преувеличенным энтузиазмом обещали поддерживать пунийское могущество на полуострове, чему Карталон несколько не поверил. Но дело было сделано — войско двинулось дальше. Оно перевалило через Пиренеи и вступило в Галлию.

Вот здесь и настало время исправлять ошибки прошлого, которые тянули одна другую. Во многом неоправданная жестокость в отношении олькадов, ваккев, карпетан, а затем и Сагунта побудила народы, жившие севернее Ибера, сражаться с карфагенянами. Результатом стали неоправданные потери, а также необходимость оставить войско для контроля над территориями, расставить гарнизоны. Подобные трудности привели к разладу в армии, вынужденному роспуску сомневающихся солдат. И теперь в Галлии под нашим началом уже лишь немногим более шестидесяти тысяч человек, а ведь мы даже еще и не встретились с римлянами. Но проблемы продолжались. Устрашенные покорением северной Испании галльские царьки уже не верили посулам ранее направленных к ним агентов. Они собрали все наличные силы и встретились в Рускиноне, через который должен был пролечь путь карфагенской армии. Вновь

и вновь народы, проживающие на землях, через которые мы идем, не просто не хотят присоединиться к нам, а видят в нас угрозу собственной свободе, готовы оказать вооруженное сопротивление. Что же мы представляем собой для окружающего мира, если все нас так боятся? Если это впечатление сохранится в Италии и к нам никто не присоединится, мы погибли.

Но что делать с полчищем галлов, преградивших дорогу? Невозможно пройти весь путь, непрерывно сражаясь. Как бы мы сильны ни были, это окажется выше наших сил, тем более что помощи из Карфагена ждать не приходится. Наоборот, нам необходима поддержка народов, через земли которых мы идем. Мы все-таки кого освобождаем от римлян, а кого уберегаем от их угрозы. В этот раз возобладало здравомыслие — все в руководстве войска согласилось с тем, что очередное сражение не решит никаких проблем, но лишь замедлит продвижение и приведет к большим бессмысленным потерям. Эти земли на севере Республика пока не сможет удержать, в отличие от северной Испании, а потому и биться за них не стоит.

И вот после нескольких дней уговоров галльские царьки согласились встретиться на территории между двумя войсками. И Ганнибал на этот раз проявил все свое обаяние, миролюбиво заверяя варваров в собственном дружелюбии. Обращаться же пришлось через целую толпу переводчиков, потому что языки местных народов отличаются друг от друга настолько, что они и сами друг друга понимают с трудом. Но вроде бы удалось растопить лед. Интересное выражение. В Испании видеть такую замерзшую воду приходилось нечасто, но говорят, что Альпы все покрыты снегом и льдом. Лед твердый и холодный, в то время как снег мягкий, сыпучий и шершавый. Подумать только, на что приходится идти только для того, чтобы сразиться с Римом — тащиться через эту холодную пустошь. Впрочем, не такая уж в горах и пустошь. Доносят, что они вполне себе заселены, да только местные народы не слишком приветчают чужаков, а потому переход и сопряжен с огромными опасностями. Но до гор надо еще дойти.

— Друзья, — обращался Ганнибал к галльским вождям. — Мы бы никогда не потревожили вас. Но что поделать. Римляне со свойственной им алчностью захватили все острова, лежащие близ Италии. Мы не можем атаковать их с моря, вот и приходится идти по суше. Но мы не стремимся враждовать с вами. Наоборот, мы хотим вам помочь. Римляне творят отвратительные бесчинства с вашими собратьями по ту сторону Альп. Мы не претендуем на свободу галлов или иных народов, которые сейчас свободны либо поработаны римлянами. Мы воюем исключительно с Римом. Если вы не готовы нас поддержать, пропустите нас, и мы не причиним вам никакого вреда. Если же хотите сразиться с римлянами, присоединяйтесь к нам. В нашей армии служат свободные люди, которым мы достойно платим.

Подобные увещевания продолжались довольно долгое время. Удивительно, Ганнибал сохранил в себе силы быть и обаятельным, и обходительным. Жаль, что он забывает об этом, когда остается среди своих. Или мы уже не свои?

Наконец галлы, умиротворенные столь ласковыми речами, размякшие от вина, довольные богатыми дарами, которые Ганнибал им вручил, согласились. Войско двинулось дальше в очень бодром темпе и дошло до Родана, где уже встретило волкиан, настроенных совсем не дружелюбно. Вон они — воют на том берегу реки. Переправиться в такой ситуации невозможно — потери превзойдут все мыслимые масштабы. А уж о том, чтобы переправлять слонов, нечего и думать. Гиганты стоят неподалеку, тоскливо склонив головы. Как будто думают: «И что же вы, хозяева, бросите нас в этой дикой северной стране?» Нет, не бросим, вам еще необходимо испытать весь ужас северных гор. Но пока надо придумать ловкий ход.

Собственно, он уже придуман, и особой хитрости в нем нет. Племянник Ганнибала Ганнон уже отправился с отрядом опытных воинов вверх по течению. Он должен найти переправу, а затем спуститься вниз. Одновременно начнется переправа здесь, а Ганнон нападет на галлов с тыла. У волкиан явно нет даже понятия о дисциплине, они не смогут сразиться на два фронта, и в этом наш шанс. Главное, чтобы этот, с позволения сказать, командир не попал в засаду. Бар-

кид продвигает родственника, готовит его себе в ближайшее окружение. Но не ослепляет ли его привязанность? Все может случиться. А пока к вою с противоположного берега присоединяется перестук на этом — местных жителей обязали сдать все имеющиеся лодки, а также готовить материал, из которого наемники строят дополнительные суденышки и плоты. К моменту, как Ганнон окажется в тылу врага, должны быть готовы средства для переправы. Помогите нам Танит переправиться. И через Родан, и через Альпы. Сейчас уже к каждому облаку на горизонте приглядываешься, ожидая увидеть эту жуткую горную цепь.

Но где же римляне? Они ведь наверняка должны пытаться перехватить нас, не пустить в Италию, а нет никаких слухов об их присутствии. Или они не стали ломать планы и отправились в Испанию и Африку. Кто знает! Может, они уже везде победили, и война закончилась, пока мы здесь бредем?

* * *

Консул Публий Корнелий Сципион был раздражен сверх меры. Безусловно, он продолжал сохранять невозмутимое выражение лица, неопровержимо свидетельствующее о его стойкости и мужественности, ведь именно этого ждут от полководца солдаты, тем более неопытные новобранцы, составлявшие основу его войска. Но внутри его раздирали сомнения. И, к сожалению, основа для этих сомнений была серьезной. Вновь и вновь консул прокручивал в уме все поводы для беспокойства и с каждым разом находил их все более принципиальными.

Если судить здраво, то проблемы начались с исключительно позднего отплытия из Италии. Если бы удалось опередить карфагенян, высадиться севернее Ибера, то оказалось бы возможным привлечь на свою сторону многие местные народы. Не то чтобы они шибко любили римлян, но, судя по полученным вестям о сопротивлении, с которым столкнулся Ганнибал, к пунийцам они теплых чувств также не испытывали. Иберы считали, что сражаются за свою свободу. Ну и хорошо. Они считают, что карфагеняне близко — вон, через реку. К тому же пунийские колонии основаны давно, и захватчики цепко обосновались в Испании. Римляне же находятся далеко за морем, а потому не станут активно вмешиваться в дела иберов. Так что иберы — замечательные союзники. Потом мы, конечно, продемонстрируем им, насколько мы заинтересованы в богатствах этой страны, но это будет потом. Пока же мы выступаем в качестве их освободителей от африканского гнета. Ну и при всей мощи армии Ганнибала вместе с иберами казалось вполне реальным победить карфагенян либо отогнать их к югу, где находятся их основные базы. Уже это стало бы значимым преимуществом на новых выборах. Продвинуть Эмилия в консулы, а там, глядишь, лишенный испанского серебра Карфаген уже не сможет набрать новых наемников. Граждане Карфагена не готовы воевать сами, так что вполне можно было бы добиться и капитуляции пунийцев. Сам бы Сципион мог отправиться вместе с Эмилием в Африку, пока старший брат занимался бы обустройством испанских приобретений, особенно рудников. Но теперь все это лишь мечты. Если Ганнибал форсировал Ибер еще до отплытия Сципиона из Италии, а теперь, судя по полученным в Массалии известиям, споро продвигается по Галлии, то иберы покорены. И хоть они и готовы восстать против карфагенского владычества, но многие их воины погибли, крепости разрушены, и мы вступим в испанскую кампанию в гораздо худших условиях. Тем более что вполне вероятным становится столкновение с пунийцами в Галлии. И неизвестно как то, чем же оно закончится, так и то, где произойдет следующее.

Окинув взглядом спешно возведенный в окрестностях Массалии лагерь, консул тяжело вздохнул. Сколько лишнего времени было потрачено на строительство совершенно типового военного объекта. Лишнее свидетельство того, что в войске преобладают новобранцы. Разумеется, Фонтей и другие офицеры при обучении уделили основное внимание непосредственно военным навыкам — сжатые сроки исключали возможность всесторонней подготовки. Но

именно в таких мелочах и кроется секрет успеха или неудачи кампании. Каждая недоработка даже в отдельности может привести к трагедии. Прошли сегодня чуть меньше положенного из-за недостаточной подготовки, сорвали ночной марш вследствие неразберихи, долго строили укрепления лагеря, и вот противник либо атаковал прямо на марше, либо, наоборот, оторвался, а, возможно, неожиданной атакой и прорвал оборону лагеря. Как нужны сейчас опытные воины! Но они либо у Семпрония, либо бездарно гибнут в Цизальпинской Галлии преторами Манлием и Атилием. Вроде бы Манлия даже отозвали в Рим, но сколько он уже успел наворотить! Самому же Сципиону достались неопытные новобранцы, которых приходится превращать в солдат уже по ходу войны. А это чревато и лишними потерями, и проигранными сражениями. Ну и, конечно, подорванным из-за этого политическим влиянием.

Разговор с членами городского совета Массалии лишь усилил опасения консула. Ганнибал перешел Пиренеи и уверенно движется по югу Галлии. Если иберы взялись за оружие и пунийцы потеряли время на усмирении крупного региона, то с галлами они договорились о свободном проходе через их земли. Руководители Массалии выразили свои опасения насчет того, что Баркид попытается захватить город, но Сципион досадливо отмахнулся от этого. Не будет Ганнибал тратить время, он пойдет к Альпам. Если он достигнет их еще в период хорошей погоды, то он может успеть перейти горы до похолодания и оказаться в Цизальпинской Галлии. А там ему могут противостоять лишь слабые преторские войска, возглавляемые неумехой Атилием. Заодно и галлы пополнят его армию. Не может Ганнибал позволить себе сейчас осаждать неплохо укрепленный город, захват которого не решит для него никакой стратегической задачи. Да и тактической тоже. Поэтому он пройдет мимо. Родан — вот хороший стратегический рубеж, где можно попытаться задержать пунийцев, воспользоваться особенностями местности, чтобы скрыть изъяны подготовки своих неопытных солдат. Но для этого надо знать, где находится враг. К сожалению, ничего, кроме того, что Ганнибал движется по Галлии, практически не встречая сопротивления, массалиоты не знали. Необходимо было получить актуальную информацию. Именно об этом совещался сейчас консул со своим братом Гнеем Корнелием Сципионом и самым опытным из офицеров Тиберием Фонтеем, практически неотлучно находившимся при полководце.

— Друзья, нам необходимо точно знать, где сейчас карфагеняне, каким маршрутом они движутся, а также сколько сил у них сейчас. Наши конфидененты достаточно точно оценили войско Ганнибала в сто тысяч человек, из которых девяносто тысяч пехоты. Но сколько их сейчас, нам неизвестно.

— Что именно ты собираешься предпринять? — поинтересовался брат.

— Я думаю, что рассчитывать на помощь галлов нам не приходится. Даже если они будут сражаться с карфагенянами, то и мы у них симпатий не вызываем. Они прекрасно понимают, что со временем мы выйдем за Альпы, а тогда их земли — следующие в очереди на включение в общественное поле. Но необходимо оценить текущие силы Ганнибала, а я не верю, что он избежал потерь по пути. Если эти силы серьезно уменьшились и сопоставимы с нашими, то мы займем позицию за Роданом и попробуем его задержать. Мы можем рассчитывать на помощь Массалии, по крайней мере, на первое время греки снабдят нас продовольствием. А вот Ганнибалу подмоги ждать неоткуда. Фонтей, какие идеи?

— Предлагаю послать на разведку сотню конников, консул. В этой стране дикие обитатели, поэтому небольшой разъезд может оказаться попросту уничтожен местными разбойниками. Найдя карфагенян, отряд должен разделиться. Часть возвращается сюда, часть продолжает наблюдение. Готов возглавить разведчиков.

— Нет-нет, не стоит, — мягко ответил консул. Он вообще старался с ближайшими соратниками из плебеев проявлять дополнительную мягкость, так они будут служить вернее. — Не стоит тебе брать на себя дополнительный риск, ведь ты ключевой офицер в нашей войске. А план неплох. Выбери кого-то из надежных центурионов, пусть он возглавит разведку. А пока

у нас есть еще несколько дней, посвяти их лучше дополнительному обучению солдат. Сейчас не то что день, каждый час на счету. Ступай.

Фонтей отсалютовал и вышел. Братья Сципионы остались лишь в компании Клеона, сопровождавшего консула в походе.

— Ты думаешь, мы сможем остановить пунийцев? — негромко спросил старший брат, занимавший в войске должность легата.

— Возможны два варианта — или у нас получится, или нет. Вот у Клеона есть свои соображения. Пусть он их изложит.

В разговор вступил хитрый греческий прислужник.

— Я думаю, что Ганнибал понес определенные потери, сражаясь на севере Испании. Да и гарнизоны он должен был там оставить, а потому его войско сейчас меньше, нежели было в Новом Карфагене. Но даже сейчас оно превосходит нас и численностью, и опытом...

— Давай уже свои предложения, нечего ходить вокруг да около, — не выдержал Гней Корнелий Сципион. Видимо, и на его нервах напряженная ситуация сказывалась.

— Мы не можем сражаться с пунийцами напрямую, но можем создавать им угрозу. Пусть Ганнибал подойдет к Альпам ближе к зиме. Тем более я разговаривал с местными. По всем приметам, зима будет ранней. И либо Ганнибал будет вынужден зимовать в предгорьях, теряя разлагающуюся армию, либо он решится на бросок в Италию в неподходящее время. А тогда он погибнет. Мы можем одержать победу, даже не обнажив оружие. Если он выберет зимовку в предгорьях, то его армия разбежится, не выдержав местных необорудованных условий. Ему будет просто некого вести в Италию.

— Это рабская психология! — вскричал Гней Корнелий Сципион.

Мысленно консул вздохнул. Он и не ждал от брата иной реакции. Совершенно неудивительно, что Гней ревнует: он, будучи старшим братом в семье, уступил пост лидера партии младшему брату, а Клеон имеет на того гораздо большее влияние. Гней опасается остаться в стороне, а ему ведь всего пятьдесят пять лет — казалось бы, расцвет политической деятельности. Еще и накладывается неудачное собственное консульство, когда не удалось добыть ни богатства, ни славы. Вот и злится теперь. А ведь в словах Клеона есть резон. При всей видимой трусости они направлены на то, чтобы поставить Ганнибала в максимально затруднительное положение, снизив при этом собственные риски. Консул настолько глубоко задумался, что даже перестал прислушиваться к перепалке, развернувшейся буквально у него под носом. Да, можно вот так, нависая над армией Баркида, сковать ее действия. Но что потом? Трусливо переправиться обратно в Италию? Воины в его армии не изучали военную стратегию. Они могут принять такое маневрирование за реальную слабость и потерять веру в собственного полководца. Наверняка и Фабий не упустит шанса для враждебной агитации. Распустит слухи, что Сципионы развязали войну, а теперь боятся сразиться с Ганнибалом и сами привели его в Италию. И как тогда обеспечивать нужные результаты выборов?

А Гней Корнелий Сципион продолжал нападать на Клеона. Грек миролюбиво возражал. Как они все надоели! Пытаются завоевать расположение лидера партии, чтобы тот слушал только их. Как будто у лидера есть такая возможность. Да отврати он свой слух хотя бы от заметной, пусть и не преобладающей, доли своих сторонников, как сразу поползут сплетни, что оторвался, никого не слушает, стремится к единоличной царской власти. Необходимо прислушиваться ко всем своим сторонникам. Но, конечно, вес мнения каждого из них различен. В этом и есть великое искусство управления — правильно определить, к кому прислушиваться в большей степени и когда. Надо прекратить это все.

— Ладно, друзья, хватит пререкаться, — мягко сказал он, и от этой неожиданной мягкости в голосе консула оба спорщика замолчали. — Мы слишком мало знаем о текущем положении армии Ганнибала. Я намерен дождаться известий от нашей разведки, а уже потом принимать решения. Давайте просто отдохнем, пока есть такая возможность.

Брат и Клеон удалились, в результате чего Публий Корнелий Сципион остался у себя в претории один. Но не до отдыха было сейчас, множество мыслей переполняли усталую голову. Где находятся карфагеняне? Что представляет собой Ганнибал как полководец, столько разных мнений о нем? Сколько у него сейчас воинов? Присоединились ли к нему местные галлы? Готовы ли римские солдаты к боям? Что происходит сейчас в Цизальпинской Галлии, куда наверняка будут перенесены бои, а что в Риме? Попытается ли высадиться в Африке проклятый Семпроний? Если у него получится высадиться и тем более закрепиться у Карфагена, то Фабий сможет избраться в консулы для победного завершения войны. Одни проблемы кругом. А находясь в войске, невозможно решать вопросы в Риме. И ведь нет там сильных представителей партии сейчас. Разве что Эмилий Павел, но его одного не хватит, чтобы закрыть все направления. Сервилий мог бы помочь, но после того, как его брат попал в плен к галлам, он впал в тоску и несколько устранился от дел. Безусловно, он придет в себя, но на это нужно время. Минуций же излишне несдержан, а в политике это лишнее. Вроде бы казалось, что, став консулом, получится добиться решительного перелома в борьбе с Фабиями и их сподвижниками, а все только усложнилось. А из-за позднего отъезда из Рима и до испанских рудников не добрались. Ну что за нелепость кругом!

От проблем мысли переключились к сыну. Молодой Публий здесь же, в лагере. Правильно себя ведет, зарабатывает авторитет среди воинов. И друзей правильных получилось ему подобрать. Поддерживают и берут тяжелую работу на себя. Правильные ребята, подходят на роли помощников в будущем. Да и сам Публий неплохо проявляет свой ум и смекалку. Теперь важно, чтобы не погиб по какой-нибудь нелепости, которых хватает на войне. В конце концов, карфагеняне — это не какие-нибудь галлы. У них есть понимание военной тактики и стратегии, умелые полководцы и хитрые политики. Непросто будет с ними, ох непросто. Так что Публию надо зарабатывать политический капитал и начинать уже серьезно замахиваться на ответственные должности в Республике. И не размахивать мечом или копьем. А мальчик-то не промах. Уж как разгульно вел себя, а как начал его привлекать отец к политическим вопросам, так сразу взялся за ум. Но пока еще улыбается, не придавила политика его характер. Консул вспомнил себя в возрасте сына. О, он тоже куролесил будь здоров. И женщины, и попойки — все было. Но с каждым годом он все больше и больше ударялся в политику, а улыбка проводила на его лице все меньше времени. Ладно, пусть сын пока поулыбается — ему тоже придется со всем этим столкнуться. Если получится сделать так, чтоб это произошло чуть позже, то это только лучше.

Хорошо бы еще сформировать некий политический капитал для сына, чтобы ему проще было идти вверх. Консул грустно улыбнулся своим мыслям. Он сам был младшим сыном в семье, но теперь именно он возглавляет партию, а его старший брат вынужден слушать его. Но какой дорогой ценой все это досталось! Как хочется сделать так, чтобы детям было проще. Но и на чужих ошибках научиться сложно, необходимо самому пройти через трудности, закалиться, подготовиться к борьбе. Так что все в руках Публия. Жаль, что младший сын Луций не таков. Он хороший сын, почитает родителей, но того ума и той практической жилки, которые требуются в борьбе за власть, у него нет. Вот и получается, что вся надежда лишь на старшего сына. Конечно, хотелось бы, чтобы первые испытания, выпавшие на его долю, были проще, нежели война с Карфагеном. Но времена не выбирают.

Медленно тянулись дни в ожидании возвращения разведчиков. Каждый день консул несколько раз обходил лагерь, при этом с каждым новым днем он все больше придирался к тренирующимся солдатам, находил изъяны в подготовке и, наверное, спровоцировал бы недовольство, если бы Клеон и Тиберий Фонтей не уговорили его прекратить подобные занятия. Пусть лучше консул кричит на своего верного слугу, сказал ему Клеон. Это поймут все в лагере — слуга провинился и должен быть наказан. Но воины пусть спокойно тренируются. Фонтей же ежедневно выезжал на короткие разведки с верными людьми, чтобы понять, что происходит

в стране, которой выпала честь принять первое столкновение римлян с Ганнибалом. Однажды офицер едва ли не ворвался в преторий с важными известиями.

— Консул, прошу простить за беспокойство. Но огромная толпа волкиан, у меня язык не повернется назвать этот сброд армией, ушла к Родану. Они настроены очень воинственно.

— Галлы намерены сражаться с карфагенянами или с нами? — все сомнения Сципиона были немедленно отодвинуты на второй план.

— Предположу, что с карфагенянами. Наш лагерь галлы игнорируют, как не обратили внимание и на мой небольшой отряд. Но они явно планируют биться.

— Ясно. Значит, Ганнибал скоро будет здесь. Предупреди часовых, чтобы не зевали. Так, а от нашей основной разведки вестей нет?

— Нет, консул.

— Ладно, иди.

Но куда запропастились разведчики? Давно уже должны были вернуться и сообщить, что происходит с пунийцами. Вообще Ганнибал бы должен быть еще далеко. Все-таки ему пришлось вести переговоры с рядом галльских племен в Рускиноне, с ним большой обоз. Как ему двигаться быстро? Консул еще испытывал некоторые иллюзии. Но события следующего дня грубо их развеяли.

Сципион не спал с глубокой ночи и в весьма раздраженном состоянии ждал плохих вестей. Они не замедлили появиться. В этот раз Тиберий Фонтей уже вбежал в преторий, растолкав часовых, в задачу которых вроде бы входило охранять покой консула.

— Консул, Ганнибал у Родана и готовится к переправе.

— Как, уже? Невероятно быстро. А что разведчики?

— Часть из них была убита галлами, поэтому они поздно прибыли. Центурион Флавий неосмотрительно вступил в схватку с отрядами галльских разбойников и погиб, поэтому и вести дошли с запозданием. Прошу меня извинить за неудачный выбор командира.

— Ладно, не до этого сейчас. Срочно зови сюда моего брата и Клеона. И сам будь, — Сципион решил, что сейчас не время устраивать разнос верному офицеру за допущенную ошибку. Кто же мог знать, что этот Флавий вяжется в безнадежный и бессмысленный бой?

Вскоре собрались все, кого хотел видеть консул, и Тиберий Фонтей еще раз изложил ситуацию. Оказалось, что воины Ганнибала уже заняты постройкой мелких лодок для переправы. Но был вопрос, который беспокоил командующего:

— Скажи мне, Фонтей, ты бы решился на переправу, если бы на противоположном берегу был враг?

— Ни в коем случае, консул. Сперва надо понять, как переправиться без помех, иначе потери окажутся огромными. Особенно для конницы и этих громадин слонов. Они и так, по сообщениям разведчиков, волнуются рядом с водой. Им непривычно видеть такую массу текущей воды. Разведчики доносят, что в Италии подобных рек нет.

Правильно доносят. Родан — это серьезное препятствие, и упустить возможность использовать его для остановки продвижения Ганнибала будет серьезной ошибкой.

— Ну а что волкиане?

— Они поют песни и ждут сражения, консул.

— Понятно, значит, у Ганнибала есть возможность придумать хитрый ход, который позволит ему прорваться с минимальными потерями. Мы не должны дать ему такой возможности. Слушайте приказ. Немедленно снимаемся. Лагерь сжечь. Стоит сухая погода, он прогорит. Мы же должны спешно погрузиться на корабли и отправиться к Родану. Там и решим, как готовить сражение с пунийцами. Вперед!

* * *

Рохана уже несколько месяцев жила в Карфагене, но никак не могла привыкнуть к этому огромному городу. И дело было не только в размере столицы державы, аристократкой в которой она имела все основания считаться. Конечно, утверждается, что в этом городе постоянно проживает не менее пяти сотен тысяч человек, есть заявления будто живут десять сотен тысяч, но это бы ничего. В конце концов, сама Рохана живет в квартале знати и не испытывает непосредственных неудобств, связанных, например, с толчеей на рынках или в порту. Но ее раздражают сами карфагеняне. В Испании это не так бросалось в глаза. Возможно, потому что Новый Карфаген был цивилизационным перекрестком, пересечением культур. Там жили и пунийцы, и иберы самых разных народов, были галлы, некоторое количество греков. Да и все многоязыкое воинство квартировало там же. Подобное разнообразие отражалось и в культуре, и в звучании города, и в самом его воздухе. Здесь же такого не было. Конечно, город населяли не только пунийцы, но представители всех остальных народов вели себя крайне тихо и скромно, явно опасаясь господ. А господа здесь жестокие. Рядом с городом стоят ряды крестов, на которых распинают провинившихся рабов, и эти кресты не пустуют. А уж рассказы о том, какие обряды характерны для местной религии, вызывают дрожь. Ритуальные змеи, сожжения заживо и прочие отвратительные ритуалы были Рохане непонятны. Муж до последней зимы практически не говорил о деталях религии его предков, да и затем больше рассуждал о необходимости следовать карфагенским традициям, но в доме его сестры Рохана наслушалась разговоров о ханаанских богах и тех требованиях, которые они предъявляют к своим адептам.

Бомилькар, муж сестры Карталона Аришат, часто общался со жрецами, которые нередко посещали их дом. Наверное, рассчитывает по линии религии получить наконец завидный пост. Карталон предупреждал, что сестры не могут похвастаться влиятельными мужьями, что добавляет еще один повод для ненависти к нему. Да и дом, в конце концов, принадлежит не Бомилькару и не Аришат. Это был дом Гисгона, а потому владеет им на самом деле Карталон. Так что если быть до конца честной, то сама Рохана здесь и хозяйка. Аж зубы сводит от того, что в собственном доме вынуждена вести себя как гостя. Но это временно. Когда Ганнибал победит, то он станет безусловно первым человеком в стране. А Карталон рядом с ним — там уже всем придется забыть любые слухи о его происхождении. Вот и пересмотрим места его сестер, да и остальных знатных гусынь Карфагена. Ганнибалу и его советникам были нужны иберийские жены, это четко показывает, кто будет главным в новой державе. Важно победить Рим, а после этого все изменится. Но какие жуткие тут жрецы! Перед ними необходимо склоняться, изображая почтение. А саму пробирает дрожь, потому что эти надменные гордецы смотрят на тебя просто как на очередную жертву для собственного алтаря. Но Аришат успокаивала — сейчас уже обычно не приносятся такие жертвы, а если и приносятся, то для этого есть рабы. На карфагенскую аристократию это не распространяется. Единственным исключением может быть посвящение богам умерших детей элиты, но тут уж какая разница, что с тобой будет после смерти.

А вот сестры мужа Рохане не понравились. Были бы просто гордячки — это можно было бы перетерпеть. В конце концов, они представляют один из древнейших родов пунийской аристократии. Но они сами варвары похлеще иберов. А еще хвалятся собственной цивилизованностью. Если по приезде в дом Рохану встречала одна Аришат, то на торжественный ужин, посвященный прибытию родственницы, ах, не забыть, с каким выражением они произносят это слово, сбегались все четыре, да еще и со своими мужьями. Рассматривали иберийку, как будто находились в зверинце, а она сама — неизвестное животное из дальних краев, разве что пальцами не показывали. И они себя называют цивилизованными! Ха! Да ни один ибер из высшего круга никогда не будет так себя вести и, например, показывать пальцем на римлянина или карфагенянина. А эти... Одно слово — пунийки. Неудивительно, что Карталон сбежал и из города, и из семьи. Да он и не похож на родственников и их мужей. Эти все очень смуглые, с курчавыми волосами, да и одеты мрачно. Черные глаза смотрят с подозрением и нескрывае-

мым презрением. Но дело даже не во внешности, хотя Карталон гораздо бледнее сестер, а его волосы лишь слегка вьются по длине. Он ведет себя по-другому, хоть и посмеивался над ней. Но муж подавлял умом, а за этими нет ничего. Ни ума, ни рожи. И эти люди хотят править миром. Смешно. Неудивительно, что в их армии только командный состав представлен собственнo карфагенянами. А основную нагрузку несут на себе наемники из совершенно других народов.

На всем протяжении первого ужина в Карфагене сестры Карталона так и стремились унизить Рохану. Из их расспросов следовало их крайнее удивление от того, что иберы не живут в одних помещениях с домашней живностью. Нет, конечно, в бедных семьях всякое возможно, но чтобы вожди вроде ее отца или лучшие воины не могли позволить себе хороших домов с отдельными строениями для скота — это немыслимо. Рохана не сдержалась и ответила достаточно резко, что, в свою очередь, вызвало сдержанные смешки вопрошающих. Как будто они сами не начали бы кричать, если бы их провоцировали подобным образом. Рохана вспоминала дом отца и те встречи, которые устраивались для приезжих из дальних стран: как для иберов, так и для других народов. Да что далеко ходить за примерами. Того же Карталона принимали буквально по-царски. И никто не пытался его унижить или посмеяться над далекой родиной. Рохана, однако, задумалась. Интересно, это больше ее варварское, с точки зрения карфагенян, происхождение влияет на характер встречи или же пунийки сейчас вымещают на ней накопленную на Карталона злобу? Возможно, что справедливо и то и другое. После ужина это подтвердила и Аришат.

— Ты должна извинить наших сестер, — мягко начала хозяйка дома. — Они рассержены тем, что их мужья занимают небольшие должности в Республике, а выше всех забрался Карталон, который является самым младшим в семье.

Ага, как будто возраст тут играет роль. Надутая дура. Рохана все прекрасно понимала и отдавала себе отчет в том, что дело исключительно в слухах о происхождении мужа. Страшно представить, как он терпел все это. Наверняка ведь были и гораздо более жесткие нападки. Неудивительно, что он практически не вспоминал о родном городе и семье. Собственно, пространные рассуждения о Карфагене Карталон завел лишь к тому моменту, как стала очевидной необходимость отправлять жену и дочь в этот город. Но следует держать себя в руках, да и муж просил не подставляться.

— Ну что ты, я прекрасно понимаю, что я не привыкла находиться в приличном обществе, а поэтому шутки, отпускавшиеся в мой адрес, вполне закономерны. Я надеюсь, что ты сможешь обучить меня всем обычаям, принятым в нашем городе.

Рохана специально сделала акцент на том, что Карфаген теперь и ее город тоже. К сказанному ей не придерешься, а вот шпильку она этим надменным аристократкам вставила хорошую. Пусть подергаются. В конце концов, все их достижения заключаются исключительно в рождении в правильной семье, в чем их заслуги и нет. А сама она проявила себя достаточно умной, чтобы карфагенский аристократ посчитал возможным жениться на ней. Аришат прекрасно поняла намек, но в ее голосе не прозвучало ни тени раздражения.

— Я буду рада полностью посвятить тебя в карфагенскую жизнь. Но скажи мне, как ты научилась столь прекрасно изъясняться на нашем языке? Ты ведь наверняка заметила, что присутствовавшие на ужине были немало удивлены этим.

Конечно, удивлены. Они даже рассчитывали, что беглая речь позволит им открыто насмехаться над безродной варваркой, которая наверняка не понимает цивилизованного языка. Поэтому в момент, когда Рохана столь же бегло ответила им, продемонстрировав лишь легкий акцент, сестры Карталона были потрясены. Как так — какая-то иберийка не просто сносно, а весьма искусно говорит с ними на одном языке. Но опять же — надо отвечать вежливо.

— Я и сама мечтала выучить язык, на котором говорят в Карфагене. Ведь мой отец — давний союзник Республики. Когда я вышла замуж, то Карталон создал для этого все условия. Хотя он прекрасно говорит на языках Испании, дома мы с ним говорили на пуническом языке.

Аришат улыбнулась, но ее глаза продолжали буравить родственницу. Прав был муж — не обманешь его сестру просто так. Но и ответить тут нечего, так что дальнейший разговор был посвящен Карталону. Аришат интересовало буквально все: близость ее мужа к Ганнибалу, его теперешний характер, отношения с полководцем, другими офицерами и воинами. Рохана старалась отвечать осторожно. Раз сам Карталон очень аккуратно относится к общению со своей семьей, то и ей не стоит лишний раз откровенничать. Лучше сослаться на замкнутость мужа, на то, что он устает за день и не слишком разговорчив вечером, а также на то, что не пристало женщине вникать в военные вопросы.

— Жаль, что ты не выяснила практически ничего у него ночью, — протянула Аришат. — Ночью мужчина расскажет все. Впрочем, возможно, надо быть более искусной.

Не удержалась гусыня от шпильки. Но плохо же она знает своего брата. Если Карталон не захочет чего-либо рассказывать, то как ни ухищряйся, не добьешься от него ни слова. Нет, он не будет угрюмо молчать, он либо прямо ответит, что не будет обсуждать тот или иной вопрос, либо сведет все к шутке и сменит тему. Такое ощущение, что муж действительно не карфагенин — столь заметно он отличается и от сестер, и от их мужей.

В последующие месяцы Аришат показывала Рохане Карфаген, провела ее по основным храмам, разъяснила тонкости религии, познакомила с жрецами. Пунийские жрецы не вызывали ничего, кроме страха и омерзения. Они видели в ней лишь варварку, а сама Рохана не могла соотнести величественные культовые сооружения и дикость ханаанской религии. В Новом Карфагене и близко не было столь огромных храмов Ваала или Эшмуна. С местными сооружениями могло сравниться лишь святилище Мелькарта в Гадесе. Но все эти грандиозные постройки были направлены на удовлетворение самых диких инстинктов. А диким богествам поклоняются только такие же дикие люди. Так что нет ничего удивительного, что под проявляемым местными жителями чванством скрываются самые дикие варвары, с которыми не могут сравниться ни иберы, ни галлы. Интересно, римляне такие же грубые, как эти пунийцы?

Вот только две эти дуры, прибывшие одновременно с ней, подкачали. Что Имилька, что Ипулька практически не говорят на местном языке, а потому над ними открыто смеются. Рохана оказалась свидетельницей того, как на одном из мероприятий, проводившихся в доме отца Адгербала Гасдрубала, представитель торговой партии Гасдрубал, сын Гисгона, откровенно насмехался над Имилькой. Он задавал ей грубые и провокационные вопросы, а она, не понимая, о чем ее спрашивают, пыталась отвечать, чем вызывала лишь смех окружающих. Слыша злорадные смешки, Имилька терялась и говорила с еще более чудовищным акцентом, нежели обычно, что давало пищу для новой порции веселья. Конечно, карфагенине надменны и откровенно безвкусны. Но Имилька и сама могла бы попытаться изучить их язык заранее, раз уж ее муж сам Ганнибал. Тогда и смотрелась бы гораздо выигрышнее. Но это-то как раз ничего — в свете двух других высокопоставленных жен сама Рохана выглядит существенно более симпатично для карфагенской аристократии. Хотя, конечно, доверять здесь никому нельзя. И муж предупреждал об этом.

Но плохой говор на пуническом языке — это полбеды. Две напыщенные идиотки, гордые своим замужеством, еще и при посещении величественных мест Карфагена разве что рот не открывали. Продемонстрировали себя откровенной деревенщиной. А еще из Кастуллона. Впрочем, от уроженек этого города ничего хорошего ждать не приходится. Только гордятся своим происхождением. А если подумать, то Кастуллон — лишь большая деревня. Вот из-за таких дур ибериек и считают варварками, а потому относятся свысока. Не отражалось бы это на Рохане, она бы не придавала значения. Но карфагенинам невдомек отличия между иберийскими народами, так что свою долю насмешек из-за жен Ганнибала и Адгербала Рохана получила.

Вообще Рохана даже за столь непродолжительное время жизни в Карфагене была вынуждена мысленно признать правоту речей Карталона, которые муж заводил с ней в последнюю зиму. Ловушек и искушений здесь хватало. Равно как и непривычных традиций и ограничений. Ипулька вот явно выразила возмущение обычаями ханаанской религии и умудрилась испортить отношения не только с отцом своего мужа, но и с его сестрой За-Ашт. Это же надо было так умудриться. Рохане вспомнились слова Карталона о том, что в случае чего-то непредвиденного Саламбо могут воспитать Аришат со своим мужем. Наверняка в семье Адгербала взгляд на ситуацию не слишком отличается. У За-Ашт есть свой ребенок, есть дети и у старшего брата Адгербала Гимилькона, так что еще двое пареньков их не стеснят, тем более что с деньгами у этого семейства проблем и близко нет. Продолжит Ипулька вести себя вызывающе, глядишь, произойдет с ней несчастный случай. В этом карфагенском смраде ничего нельзя исключать. Так что самой Рохане необходимо поддерживать хорошие отношения и с Аришат, и с За-Ашт. Жаль, что из-за этого пришлось отказаться от верховых прогулок. Ну ничего, пусть и слабой, но все-таки заменой стали посиделки в садах, прилегавших к домам аристократов. Огромные сады с богатой зеленью, какой не было даже в Новом Карфагене, не то что в остальной Иберии. Интересно, сколько денег уходит на их поддержание в столь великолепном состоянии. Ну да ладно, хотя бы дети могут резвиться. Саламбо придется привыкать жить затворницей, так что пусть хоть играет в саду.

Думая о дочери, Рохана улыбнулась. Но кривоватая вышла ухмылка. Не хотелось, чтобы Саламбо жила затворницей, потому что у ее матери сохранились прекрасные воспоминания о свободном периоде, предшествовавшем замужеству. Можно было вдоволь развлекаться и оттачивать свое мастерство управления мужчинами. Такого раздолья у дочери не будет. Но она карфагенянка, и даже Аришат это ненавязчиво демонстрировала, когда подбирала ей няnek, несколько оттирая мать. Но приходится с этим мириться. В любом случае это совсем не то, что могло бы ждать дочь Роханы в том случае, если бы она сама вышла замуж за какого-нибудь иберийского вождя. Конечно, управлять таким мужем было бы несложно, не то что этим занудой Карталон, и как только он вечно оказывается прав, но и будущего бы не было. Карталон заразил жену своей тревогой, но и раскрыл ей глаза на происходящее в мире. Чем бы ни закончилась война, иберам придется жить под властью внешних господ. Карфагенских или римских. А так Саламбо вырастет настоящей пунийской аристократкой. Надо будет подобрать ей хорошего мужа. Чтобы был и богатый, и легкий в управлении. Пусть дочь обводит его вокруг пальца как захочет. Сейчас не стоит ссориться с сестрой мужа, но впоследствии Рохана найдет способы воспитать Саламбо так, как нужно.

А вот с За-Ашт Рохане удалось подружиться. Вновь прав оказался муж, даже обидно. За-Ашт — веселая хохотушка, что даже странно для пунийской аристократки, они тут все демонстрируют свое достоинство. Так что сложностей с ней никаких не возникло. Тем более что разительно отличающееся от Ипульки поведение Роханы выглядело в глазах карфагенской аристократки весьма выгодным.

За-Ашт и поведала Рохане о том слухе, который распространился среди пунийских элитариев. Мол, иберийки годны только для роли наложниц. И если бы не их замужество, то их следовало бы продать с торгов. Оказалось, что слухи распускал Ганнон, возглавлявший партию, выступавшую против войны с Римом. Составляли основу этой партии богатые землевладельцы, состояние которых зиждилось на управлении огромными земельными наделами в Африке. Конечно, семья Адгербала очень богата и сама владеет немалым имением, но все-таки ключевой составляющей их богатства и влияния является торговля. Поэтому они и выступают за дальнейшую экспансию. Землевладельцы же с радостью отказались бы от колоний и сосредоточились на дальнейшем закреплении своей власти на африканских землях. Все это в свое время поведал Рохане Карталон.

— Скажи мне, а почему нельзя попросту устранить Ганнона и его прихлебателей, если они выступают против главного направления карфагенской политики? — поинтересовалась Рохана однажды у мужа.

— Как ты себе это представляешь? — ответил вопросом на вопрос Карталон и не смог скрыть усмешку при этом. Каков подлец, опять продемонстрировал свое превосходство.

— Ну произошел же несчастный случай с Красавчиком, — не удержалась от подначки жена.

— Это нельзя равнять между собой, — вздохнул Карталон, и мрачное выражение поселилось в его глазах, которые при этом приняли стальной оттенок, как у лезвия меча. — Дело во власти.

— Ну так тем более. Убрать Ганнона, и вся власть будет ваша.

Она едва не сказала «наша», но вовремя прикусила язык. Пусть Карталон и относится к ней с некоторой симпатией, но он не простит ей столь явных поползновений на власть. И дело даже не в его собственничестве, а в опасениях, что жена слишком явно продемонстрирует свои амбиции, чем может подставить его самого. Но сейчас он лишь рассмеялся.

— Это «ваша» говорит о том, что ты либо не совсем верно представляешь себе торговую партию Карфагена, либо сознательно провоцируешь меня на разглагольствования, которые позволят тебе более глубоко погрузиться в специфику Республики. Партия не едина. Сейчас она ориентируется на Ганнибала, но есть немало жадных до власти элитариев, готовых в любой момент заявить свои несуществующие права. Один из них Гасдрубал, сын Гисгона, о котором я тебе уже рассказывал. Но здесь дело и в самой разнице между Красавчиком и Ганноном.

— Так в чем же она заключается, скажи мне наконец, — жена начала терять терпение. Ничего не сделать с этим мужем, он все время рассуждает несколько свысока.

— Понимаешь, Красавчик был человеком не самого высокого происхождения. Он, конечно, аристократ. Но далеко не с такой родословной, как Ганнон, Гамилькар Барка или мой отец. Ему удалось подняться во многом за счет брака с дочерью Гамилькара, но она давно умерла. За ним нет истории военных успехов, а в собственной партии его потеснил отец Адгербала. За ним не было уже той власти. Поэтому после того, что с ним случилось, не возникло серьезных конфликтов внутри торговой партии.

— А Ганнон?

— О, это совсем другое дело. За ним история его семьи, насчитывающая несколько сотен лет. На него ориентируются другие землевладельцы. Если в него даже ударит молния, то его сторонники немедленно обвинят нас. И может начаться гражданская война. Возможно, после победы над Римом, пошли ее нам Танит, получится как-то решить этот вопрос.

Запал в душу Рохане этот разговор, и она заочно возненавидела желчного старика, который угрожал ее положению. А теперь выясняется, что он вообще хочет обратить ее в рабыню. Мысленно Рохана наградила его всеми бранными эпитетами, знаниями которых обладала в избытке. Но сейчас, слушая За-Ашт, она поняла, что эта идея имеет и сторонников в Карфагене. Сама За-Ашт не высказывала прямого отношения к такой мысли, но у Роханы создалось впечатление, что ее собеседница не отказалась бы увидеть в рабстве у себя Ипульку. За-Ашт с видимым неудовольствием рассуждала о том, что ее иберийская родственница не удосужилась выучить цивилизованный язык на должном уровне, а также ведет себя как откровенная деревенщина. Поведение Ипульки позорило семью главы торговой партии Гасдрубала, также За-Ашт поделилась явно не своими мыслями, что при такой матери сыновья Адгербы могут вырасти не карфагенянами. Рохана посмеялась в ответ, а про себя задумалась, как смотрит на нее со стороны Аришат. Вдруг она тоже не отказалась бы при удачном стечении обстоятельств продать жену брата в рабство, а то и избавиться от нее окончательно и самой воспитать племянницу. А За-Ашт, конечно, простовата — вот так вот практически вывалила все, о чем думает она сама или слышит у себя в доме. Или — эта мысль прошла по спине неприятным

холодком — предупреждает таким образом вызвавшую симпатии иберийку о грозящей и ей самой опасности?

Рохана была взволнована подобными новостями и явно проявившейся благожелательностью к проброшенному слуху среди вроде бы союзной части карфагенской аристократии. Понятно, что пока Ганнибал ведет войско к победе, этот слух не сможет материализоваться. Но что будет в случае возникновения проблем на войне? Тревога Роханы требовала немедленно поговорить на эту тему с Аришат, что она и не замедлила сделать. Начала разговор и сразу мысленно выругала себя за то, что, поддавшись эмоциям, сказала несколько больше, чем планировала. Аришат же отвечала с улыбкой:

— Дорогая, ты должна спокойно относиться к подобным слухам. Их распускают наши политические противники. Они злобствуют, но ничего не могут сделать. Твой муж — ближайший человек к Ганнибалу, а твоя дочь — знатная карфагенская аристократка.

Рохана с досадой отметила про себя, что Аришат ничего не сказала про нее саму. Впрочем, это и неудивительно. Ее личное положение, увы, напрямую связано с успехами мужа. Не будет успехов, так сразу вспомнят о его происхождении и проведут прямую нить к Саламбо. После чего местные элитарии с удовольствием избавятся от конкуренток. В этот момент и в адрес мужа кольнула злоба. Не предупреждал о таких интригах, процветающих в карфагенской элите. Или предупреждал, но недостаточно явно, рассчитывал на ее собственное благоразумие и понимание ситуации. Сейчас же Рохана выдержала игривое выражение лица и перевела разговор на сплетни о Ганноне и его внешности, делавшей его похожим на козла.

Но, выйдя после разговора на защищенную от солнца террасу, с которой открывался превосходный вид на море, Рохана призадумалась. Безусловно, Аришат окружала ее вниманием и заботой. Заботу проявлял и ее муж. Но не оставалось никаких сомнений в том, что в этом доме ее терпят лишь до той поры, пока Карталон находится рядом с Ганнибалом, а последнему сопутствует удача. Золотая клетка, по-другому и не назовешь ее положение. Вновь скрепя сердце приходится признавать мужнину правоту. Если что-то случится, надо бежать в дом За-Ашт. Если выгодно выделяться среди других прибывших ибериек, ставших женами карфагенских полководцев, то могут и защитить. А для этого надо продолжать поддерживать дружеские отношения с родными Адгербала.

Вот отец Адгербала Гасдрубал понравился Рохане. Очень представительный старик. При этом производит впечатление еще очень крепкого, и даже явно пробивающаяся седина не создает видимость дряхлости. Он долго и внимательно смотрел на Рохану при первой встрече, ей даже пришлось опустить глаза. Но, как потом разболтала За-Ашт, ее отец проникся к иберийке неожиданным теплом. Он при каждой встрече расспрашивал ее об Иберии, о положении отца, о характере братьев. Рохана всегда отвечала предельно уважительно и старалась построить свои ответы так, чтобы у старого пунийца создавалось впечатление о преданности Индебила делу карфагенян. Сомнительно, чтобы ей удалось ввести Гасдрубала в заблуждение, но поведение и внешность Роханы понравились главе торговой партии. Еще бы, она столько для этого сделала! Теперь есть надежда, что найдется в Карфагене дом, в котором ей обеспечат защиту, если это понадобится.

А Аришат не проста, ох не проста. Наверняка Карталон по глупости, свойственной всем мужчинам, попал под ее обаяние еще в детстве. Если остальные сестры, да и многие ровесники, относились к нему таким скотским образом, то он был попросту рад, что кто-то демонстрировал доброту и ласку. Вот эта стерва и воспользовалась его доверчивостью. Как глупы мужчины! И тут Рохана задумалась... Нет, не попал под обаяние. «Не стоит рассчитывать ее перехитрить. Она неплохо ко мне относилась. Думаю, это отношение, скорее всего, сохранилось». Так говорил муж. Он не сказал «хорошо», он сказал именно «неплохо». Все он прекрасно понимал, подлец. Но не сказал напрямую. Неужели поддался слабости и не смог признать, что ни от кого на родине не видел хорошего отношения? Впрочем, на фоне всех остальных родственников

отношение сестры к мужу, да и к ней самой, можно признать близким к идеальному. Главное здесь — держать ухо востро.

Интересно, как там дела у Карталона в войске? Раз он так четко ее инструктировал, значит, какое-то теплое чувство в душе сформировал к жене. Беспокоится, хотя, конечно, по нему и не скажешь. В тех диких землях, в которые они отправились, может случиться все что угодно. Отец говорил, что севернее Ибера живут совершенно дикие народы. Впрочем, на фоне карфагенян и их религии уже и непонятно, кого можно считать диким. Скорее бы Ганнибалу улыбнулась удача, тогда и Рохану в Карфагене начнут принимать совершенно иначе. И можно будет ввести тут новую моду, а не эти одеяния, похожие на погребальные.

А вот Софонисба, которую наказывал остерегаться Карталон, умна и красива. И ведет себя мягко и без излишней гордости. Хотя ее отец Гасдрубал, сын Гисгона, и весьма груб, а также не скрывает своего пренебрежения к иберам, сама Софонисба мила и приветлива. Видимо, воспитывал ее не отец. Наверное, муж перестраховывался, потому что учитывал характер старшего представителя этой семьи. С Софонисбой приятно поболтать, к тому же это дополнительная практика в этом жутком пуническом наречии. Не только язык, но и зубы сломать можно, пытаясь выговорить длинные и малопонятные слова.

* * *

Ну вот и показался дым от костров! Да не хаотичный, а именно такой, какой был заранее оговорен. Карталон удовлетворенно закрыл глаза и глубоко вздохнул. Теперь можно идти к Ганнибалу и докладывать ему, что все готово. В чистое рассветное небо уходили столбы дыма от костров, находящихся на необходимом расстоянии друг от друга. Пришел наконец отряд Ганнона с севера и расположился на противоположном берегу Родана в тылу волкиан. Теперь можно и переправляться. Но для начала необходимо получить разрешение Баркида.

Последние несколько дней прошли одновременно в лихорадочной работе и нетерпеливом ожидании. Необходимо было сколотить достаточное количество лодок для быстрой переправы огромного войска. Нельзя было растягивать этот весьма опасный процесс на длительное время. А переправить пятьдесят тысяч человек непросто. Еще при этом нельзя забывать о воюющей на другом берегу толпе галлов. Одновременно должна переправляться достаточная масса воинов, которая сможет завязать бой с волкианами и закрепиться на берегу, а затем удерживать его, прикрывая переправу следующих партий солдат, одновременно с этим пытаясь оттеснить противника, которого с тыла атакует отряд Ганнона. Эти отборные десять тысяч человек ждут начала переправы основного войска, чтобы атаковать галлов с тыла. Дальше останется надеяться на то, что долго варвары, не обладающие даже понятием о дисциплине, сопротивляться атаке с двух сторон не смогут.

А неподалеку лучшие умельцы из числа воинов вместе с главными мастеровыми из ближайших деревень, которым обещаны богатые награды, готовят главное — огромные плоты, на которых планируется перевезти через Родан слонов. Гиганты волнуются и боятся такой громадной массы текущей воды. Это не море, которое лишь слегка плещется у берега и через которое их везли на кораблях. Здесь такой возможности нет, а потому по поводу переправки слонов в штабе карфагенской армии развернулись крайне жаркие споры. Тупоумный ветеран Махарбал и здесь предложил быстрое, эффективное и в корне неверное решение. По его мнению, слонов следовало разъярить при помощи умелых погонщиков и загнать в реку. Мол, тогда они сами переплывут через нее. А пока будут плыть, холодная вода остудит их, и на том берегу они будут уже спокойными. Но уж каким бы авторитетом ни пользовался старый дурак, против столь неразумного решения выступили все. Даже Мономах с Самнитом громко возражали. Наверняка смекнули, что после потери слонов Ганнибал строго спросит с тех, кто предложил абсурдный вариант. В результате выработали совершенно другой способ переправки гигантов.

Умельцы строят огромные плоты с усиленной конструкцией, способной выдержать чудовищную массу слонов. Дальше эти плоты необходимо будет покрыть дерном, дабы животные не видели голого дерева и не понимали всей шаткости своего положения. А чтобы плоты не отличались от береговой линии, делается специальный помост. Его также покроют дерном, и слоны должны будут переходить на плоты уже с него. Они будут идти как бы по однотипному берегу. Ну а дальше плоты отчалят, и да поможет нам Танит. Главное в этой ситуации — отогнать волкиан, чтобы не куролесили на противоположном берегу, тогда и слоны будут поспокойнее, и снизится вероятность ненужных потерь при переправе.

Ну а ввиду необходимости усиленной конструкции в войске отобраны те солдаты, кто обладал профессиями мастеровых, а Карталон с Адгербалом лично объезжали окрестные деревни и заманивали в пунийский лагерь местных мастеровых, обещая огромные награды. Такие же обещаны воинам, на время переквалифицировавшимся в плотники. Заодно Карталон проинструктировал офицеров, наблюдавших за стройкой, чтобы никакого рукоприкладства или попыток подгонять рабочих не было ни в коем случае. Малейшая ошибка или неточность в конструкции приведут к трагедии. И вот сейчас плоты и помост почти готовы. Нужно еще около суток, но они как раз и есть в запасе у мастеровых, пока будем отгонять волкиан.

Но не только в трудах прошли последние дни, в течение которых ожидался переход отряда Ганнона в тыл неприятелю. Наряду с трудами были заботы, основанные на напряженном ожидании. И ожидался не только отряд племянника Ганнибала — ожидался и известия о римлянах. Слишком долго о них ничего не было слышно. Карталон слишком хорошо помнил свои визиты в город на семи холмах, чтобы предположить, будто командующие противника не знают своих обязанностей. Безусловно, среди них могут оказаться более или менее умелые, ярость или жажда славы могут затмевать им взор, но ясно одно — у них наверняка есть четкий план, которого они будут придерживаться. Щедро оплачиваемые конфидененты докладывали, что одно римское войско отправилось в Сицилию и, возможно, попытается высадиться в Африке. Ну, сами мы с ним ничего сделать не сможем. Здесь уже в Карфагене должны сообщить и попытаться поднять восстание на нашем бывшем острове, а заодно связать римлян морскими стычками. Значительные римские силы переброшены в Цизальпинскую Галлию для подавления восстания бойев и инсумбров. Эх, рановато оно случилось. Теперь многие храбрые галлы, которые могли бы пополнить наше войско в Италии, убиты римлянами. А подмога нам понадобится, потому что только богам известно, сколько людей мы сможем перевести через Альпы — это вам не Родан. Но тем не менее это восстание наверняка помешало второй римской армии быстро отплыть в Испанию. Конечно, консул Сципион мог все равно отправиться туда. Но нельзя исключать, что он попытается перехватить нас в Галлии и не пустить в Италию. Родан — прекрасное место для организации нам препятствий, тем более что в таком случае римляне смогут опираться на Массалию в своем тылу. И даже если Сципион не обладает большим военным опытом, то он при предыдущей встрече совсем не произвел впечатление недалекого человека, кроме того, наверняка в войске у римлян есть опытные офицеры, которые подскажут командующему лучший вариант действий. И тогда римляне должны бы уже появиться на горизонте. Поэтому Карталон и высылал крупные разведки разведчиков в поисках врага. Нельзя позволить римлянам ударить неожиданно.

Но вот и палатка Ганнибала. Сам полководец уже стоит рядом с ней и напряженно всматривается в дымки, поднимающиеся на противоположном берегу реки — там, где лес достаточно густой, чтобы укрыть большой, хорошо вооруженный отряд. Увидев подходившего Карталона, он обратился к своему давнему соратнику:

— Что-то ты не больно спешишь, Карталон, а ведь знаешь, что у нас сейчас каждый день на счету. Надо как можно скорее достигнуть Альп и начать восхождение. Я вижу дым от костров. Скажи мне, как ты думаешь, это те костры, которых мы так ждали?

— Думаю, что да, о повелитель, — Карталон не удержался от того, чтобы не добавить в свой голос капельку яда. Если уж Баркид подтрунивает над ним в столь напряженной ситуации, то негоже и самому не ответить достойно. — Думаю, что это Ганнон. Я различаю условленный сигнал, а это значит, что отряд на месте и отдохнул перед битвой, где им придется взять на себя большую тяжесть предстоящего столкновения.

Ганнибал досадливо скривился, услышав столь непривычно льстивый тон от Карталона, но сам ничего не сказал. А вот крутившийся поблизости Магон Самнит не упустил шанса поддеть ненавистного конкурента в борьбе за власть в пунийском войске:

— Ты же всегда рассматриваешь худшие случаи, Карталон, причем нередко зришь в корень. А вдруг галлы захватили врасплох молодого Ганнона и выпытали у его воинов секретный сигнал. Что ты об этом думаешь?

Смеется, собака, думал Карталон. Специально издевается. А Ганнибал улыбается, услышав подобное предположение, и глазами подсказывает — ну давай, выкручивайся. Пырнуть бы Самнита мечом, да нельзя.

— Этот вариант нельзя было бы исключать, если бы я не знал, что в курсе секрета только Ганнон. А допустить, чтобы член семейства Барки выдал секрет варварам даже под пыткой, я не могу. Впрочем, возможно, у тебя иное мнение?

Магон Самнит скривился, как будто заглотнул что-то кислое. А Ганнибал уже не просто улыбается, а откровенно смеется. Ему нравится такой изощренный ответ. Попробует Магон возражать и этим сразу оскорбит полководца. Остается наглецу только смолчать. Баркид махнул рукой.

— Начинайте переправу. Действуем по заранее определенному плану.

О да, план. Он родился здесь же, в лагере, и не отличался замысловатостью. Впрочем, как предполагал Карталон, для галлов и такого должно было хватить. Он немедленно двинулся к берегу, отдавая команды. К нему присоединились Адгербал и Магон Баркид. Брат Ганнибала даже хотел сесть в одну из первых лодок, но Адгербал удержал его:

— Не рискуй понапрасну. У нас всех еще будет свой шанс в Италии.

«Дойти бы еще до Италии», — пронеслось в голове Карталона. Но пока сомнения надо откинуть прочь. Трубите как можно громче. Это не нам сейчас нужно, а отряду Ганнона — так он поймет, что переправа началась. Вперед, вперед.

Первые лодки и небольшие плоты отчалили. Карталон напряженно всматривался в противоположный берег. На нем бесновались волкиане. Увидев приближающихся карфагенян, галлы толпились на берегу, распевали воинственные песни, многие даже входили в воду. Везде, куда только кинешь взор, враги. Но никаких свидетельств присутствия Ганнона и его отряда. Неужели злая шутка Самнита оказалась правдой? Нет, Танит не должна этого допустить.

В первых лодках разместились тяжеловооруженные пехотинцы и балеарские пращники. Пехотинцы массивными щитами прикрывают и себя, и балеаров, которые должны при первой же возможности отгонять камнями и метательными ядрами галлов от реки. У варваров нет толстых панцирей и крепких щитов, их оружие низкого качества. Они не смогут защититься от пращников. А если дождь камней окажется достаточно мощным, то будут вынуждены чуть отступить. Вот тогда хорошо защищенные пехотинцы, высадившись на берег, и должны прикрывать дальнейшую высадку. Лодки обтянуты шкурами и политы водой, чтобы исключить успех зажигательных стрел, если их применят галлы. Но как же все тонко в этом замысле. Не будет атаки на врага с тыла, потери превзойдут все мыслимые масштабы.

Вот, уже по галлам летят камни и ядра. Отлично, они не готовы. Ответить они достойно не могут. Ага, не подготовились, дикари! Маловато у них стрел, а те, что есть, пока не нанесут большого урона — солдаты в лодках прикрыты тяжелыми щитами. Но как же просели эти утлые суденышки, как бы не потонули тут все за милую душу. Но вот уже первые пехотинцы

высаживаются на берег. Отлично. Укрепляйтесь, держать строй, держать! Галлы толпой пытаются атаковать и сбросить в воду. Держитесь, ребята. А там уже идет вторая очередь лодчонок.

Но что это там за шум вдали? Новые резервы врага или отряд Ганнона? В рядах галлов смятение! Наши, наши! Вон они, рубят варваров с тыла. Отряд у Ганнона тяжеловооруженный, есть конники. Они на скаку врубались в толпу волкиан, рубят их направо и налево. Так, не зеваем, теперь переправляемся и большим числом. Уже не могут галлы так храбро и напористо встречать — вон, уже четкий полукруг пехотинцев выстроился на том берегу, прикрывает высадку. Вперед!

Ну вот, дело сделано. Галлы, не выдержав атаки с двух сторон, бегут, уже и дороги не разбирают. Но обманываться этим нельзя. Эти варвары могут воевать и без обозов, без снабжения, без подготовки. Если дать им собраться поблизости, то они вновь нападут. Сигнал коннице — преследовать бегущих. Нельзя давать им шанс, придется рубить. Но затем вернуться. А пехота пусть спешно строит лагерь. Надо оборонять переправу, ведь завтра самое сложно — переправлять тяжеловооруженных конников и слонов. Помоги нам Танит, чтобы все прошло гладко. И разъезды для разведки пустить как можно дальше. Вниз по течению — пусть проверят ситуацию до устья. Вдруг там уже римляне. Родан судоходен, поэтому враги могут атаковать не только с суши.

Ночь прошла тревожно. Карталон переправился на другой берег реки и следил за постройкой и укреплением лагеря. Из-за волнений последних дней щетина опять отросла. Если в Испании он не избавлялся от бороды, поскольку Ганнибал регулярно напоминал ему о том, как должен выглядеть настоящий пунийский аристократ, то в походе, пользуясь относительной свободой, Карталон регулярно устранил растительность на лице, как бы даже подчеркивая свое отличие от других офицеров. Но сейчас, во всей этой кутерьме, природа опять взяла свое. Но ничего. Скоро переходить Альпы. Там холод, так что любая защита пригодится. Даже борода сойдет.

Утром, с удовлетворением оглядев спешно построенный, но тем не менее неплохо укрепленный лагерь, Карталон переправился обратно и начал готовить слонов. Под руководством офицера, ведавшего всеми интендантскими работами, был установлен помост и накрыт дерном. Хорошо получилось — прям вровень с плотами. Слонов отвели чуть в сторону от реки, чтобы животные не видели подгоняемых плотов. Только после этого плоты подвели к помосту и начали также засыпать дерном. Вот, прекрасная травянистая лужайка, даже лучше, чем вдоль берега. Есть где пастись, слоны должны зайти. Но не будем гневить богов преждевременной радостью. Эй, кто там, ведите слонов. Начнем с более спокойных.

Погонщики очень медленно подводили животных к воде. Вот, зашли на помост. Хвала Танит, не шатается. Первые двое животных, намеченных к переправе, недовольно фыркают, видимо, опасаются, но не режут, не пытаются вырваться. Твердо установлен помост, животным кажется, что они на земле. Вот один из слонов даже взял немного дерна в пищу. Отлично. Раз ест, значит, спокоен. Так, теперь чуть подвести их к плотам. Хорошо-хорошо, но не так быстро. Не спугнуть бы. Ага, первый зашел на плот. Ну давайте, Танит в помощь — отчаливай. Ох, ну что это. Слон так тоскливо трубит, как будто предчувствует скорую смерть. Ну не надо, не надо. Ты не дергайся, плот сколочен на славу, сейчас перевезем. Но вроде слегка успокоился, тоже фырчит. На обоих берегах воины молчат. Кричать категорически запрещено Ганнибалом под страхом смерти. Вот, отлично, и второй зашел. Так, отчаливай. Плывут, плывут. Теперь и самому в лодку — встречать на том берегу. Замечательно, сходим на землю. Ну все, родные, теперь вы на твердой поверхности. Значит, можем. Работает схема!

Но что за конники? Это же наши разведчики! Спешат, как будто за ними гонятся демоны с того света! Значит, кого-то обнаружили. Скорее к ним.

— Господин! — кричит командир разъезда так, как будто от громкости голоса зависит его жизнь. — Римский флот вошел в устье Родана!

Ну вот, дождались. И что теперь делать? Ясно одно — переправу прерывать нельзя.

Карталон немедленно отправился с известиями к Ганнибалу. Но Баркид был спокоен.

— Посмотрим, что там на самом деле происходит. Не исключено, что у страха глаза велики и там пара разведывательных кораблей. А, возможно, и целый флот. Надо послать разведку. Махарбал, возьми пятьсот всадников из нумидийцев и отправляйся к устью. Нам нужны максимально подробные сведения о том, что происходит у римлян. Карталон, а ты заканчивай переправу.

Ну вот, наконец-то прекрасное решение. Может, нам еще повезет, и оставит нас Махарбал. Он ведь наверняка вступит в схватку с римлянами, а те хорошие воины. Могут и разобратся с ветераном. Но пока надо обеспечить завершение переправы. С одной стороны, процесс вроде бы налажен. С другой, сейчас пойдут более злобные и активные слоны. Возможно всякое.

Ну точно. Аккурат на середине реки одна из громадин заметалась и свалилась в воду. Тупая зверюга! Теперь вон мечется в воде. Ан нет — плывет! Замечательно, выбрался на наш берег. Давайте, отгоняйте от воды. А то еще, чего доброго, бросится обратно. Так, следующая партия. Давайте-давайте.

Несколько слонов упали в воду по ходу переправы, но все выбрались благополучно. Только один из них выбрался на правый берег, пришлось успокаивать и загонять на плот заново. Даже не потеряли ни одного. Но времени все это заняло изрядно. Теперь осталось переправить часть конницы, задержавшуюся на том берегу для прикрытия переправы от неожиданного нападения. Тут уже проще. Но что там опять? Сигнал тревоги! Неужели римляне уже здесь?

Карталон устремился к воротам лагеря. Навстречу вскачь неслись нумидийские всадники. Заметно, что среди них есть раненые, да и количеством их явно меньше пяти сотен. Видать, неудачно сложилась разведка. Но Махарбал невредим, вот незадача. А там уже и римская конница преследует. Но прашники отгоняют римлян от лагеря. Покрутились рядом и ускакали. Что там скажет теперь начальник конницы?

— Мы столкнулись с римским отрядом. Нам не повезло — они застали врасплох, — начал Махарбал. — Поэтому мы не стали упираться и повернули назад, тем более что главное поняли.

— Что главное-то? — допытывался Ганнибал.

— Здесь целая армия. Понять точную численность сложно, но это десятки тысяч человек. Они сгружают с кораблей огромное количество снаряжения и строят лагерь. По-видимому, целое консульское войско.

Понятно, значит, консул Сципион, а это наверняка он, не решился отправиться в Испанию, а стремится здесь преградить нам путь в Италию. Но он уже опоздал, переправа заканчивается. И водным рубежом ему теперь не воспользоваться, это наша победа. И не такая маленькая, как может показаться на первый взгляд.

Но омрачилось лицо Ганнибала, задумался Баркид. И Карталон понял источник его беспокойства. Ранее войско просто двигалось вперед. Иберы и галлы не могут на данный момент считаться достойными врагами, а потому все столкновения с ними — строго вынужденные и происходят лишь тогда, когда варвары преграждают путь. Теперь же недалеко огромная римская армия. Те враги, ради сражения с которыми мы и выступили в поход. Что делать? Сражаться с ними здесь? Или идти в Италию и все равно пытаться перенести военные действия туда? Как поступить? В этот момент Ганнибал скомандовал:

— Всех офицеров ко мне. Нужно срочно принять решение. И послов от бойев, что прибыли накануне и были встречены Ганноном, туда же.

Ага, значит, прибыли посланцы из Цизальпинской Галлии. Это хорошо. Видимо, галлы, не справившись даже с частью римской армии, готовы присоединиться к нам. Послушаем этих послов.

В шатре Ганнибала собрался весь цвет карфагенского воинства, все родовитые карфагенские аристократы, гордые своим происхождением, но в остальном не проявившие себя практически ничем, а это касалось большинства присутствовавших. Особенной чести и похвалы удостоился Ганнон. Конечно, его отряд внес значимый вклад в переправу. Но кто формировал план переправы и закрепления на берегу, кто перевозил слонов? Вот и принизят все наши достижения, думал Карталон. И даже если мы победим Рим, то окажемся на вторых ролях, а все основные должности займут родственники Ганнибала, который явно уже метит на власть, близкую к царской. Наверняка и самому Барке, и его сыновьям не даст покоя тирания Магонидов. Рассчитывают занять такое же положение. Ну и как объяснить им, что после победы в подобной войне, пошли ее Танит, Республика будет для начала нуждаться в стабилизации? Что это огромный внешний шок. Но попытаться завести подобный разговор означает лишь одно — вызвать гарантированное недовольство Ганнибала. Лучше стремиться к победе и рассчитывать, что хоть какое-то положение после нее в Республике достанется. Или уже в Царстве?

— Друзья, — начал Ганнибал. — Мы прошли уже огромный путь, преодолели реку, равнину которой никогда не видели. Но главные препятствия у нас впереди. Это горы, которые необходимо перейти, а затем и римские войска. Одно из них уже расположилось неподалеку, и наши конники даже столкнулись с их разездами. Поэтому нам надо принимать решение. Или мы сражаемся с римлянами прямо сейчас, а затем, не опасаясь удара в спину, идем в Италию. Или же мы движемся к Альпам, чтобы столкнуться с врагом уже по другую сторону этих гор. Какие будут предложения?

В шатре немедленно поднялся гвалт. Все присутствующие хотели двух вещей: высказаться, чтобы их не могли потом обвинить в молчании в столь судьбоносный момент, но в то же время не активничать настолько, чтобы именно их предложение было принято. А то вдруг потом обвинят в негодных советах.

Первым открыто выступил Махарбал.

— Моя вина в том, что первое столкновение с римлянами закончилось в их пользу. Нельзя это спускать, в противном случае и удачи на войне не будет. Надо быстро сгруппироваться и атаковать врагов, пока они не успели построить лагерь. Предлагаю сначала сражаться, а уже после победы идти в Италию.

Нельзя не признать, что в словах начальника конницы есть резон. Победа, если она будет достигнута, наполнит войско энтузиазмом, которого явно не хватает после столь долгого и тяжелого похода. Но успех этот будет сугубо тактическим. Вот и Ганнибал задумчив и оглядывает окружающих после такого предложения откровенно неодобрительно. Баркид — стратег, а потому ему нужно получить то предложение, которое даже при тактических нюансах принесет долгосрочную выгоду. Надо выступать самому Карталону.

— Думаю, что нам стоит двинуться к Альпам. И предлагаю выступить сегодня же ночью, чтобы оторваться от римлян и их возможного преследования.

— Это трусость! — вскричал Махарбал.

— Наверняка есть логика, которую ты вкладываешь в свое предложение, какова она? — задал вопрос Адгербал.

Ну вот он, момент, когда надо быть максимально убедительным.

— Мы, безусловно, рискуем, оставляя римлян за спиной. Тем более мы должны будем бросить максимум вещей и уходить налегке, чтобы оторваться от них. Но я предлагаю всем задать себе вопрос, какие задачи мы решим, если победим римское войско здесь, в Галлии. Напоминаю, что добиться их полного разгрома мы не сможем — они под прикрытием лагеря погрузятся на корабли и уйдут в Массалию. Нам же после сражения придется дать отдых вой-

ску. И выступить мы сможем не раньше чем через пять-шесть дней. Сейчас же каждый день на счету — погода может заблокировать горы для прохода.

Даже Махарбал не стал возражать, так как задумался над аргументами Карталона. Но в глазах Ганнибала все еще ясно был виден вопрос. Не удалось его до конца убедить. В это время вмешался Ганнибал Мономах:

— Как мы можем бросить здесь все? Ладно, трофеев у нас особых нет. Но нам нужны теплые вещи для перехода. Где мы их возьмем? Об этом ты не подумал?

— Реквизируем у местных, — предложил Адгербал.

Магон Баркид высказался за схватку с римлянами. Ну да, ему лишь бы сражаться. А Ганнибал молчит. В это время вмешался прибывший в лагерь царек боев Магал, которому переводили все, что обсуждалось. Он обратился также через переводчика:

— Достопочтенные карфагеняне. Мне понятно то, что отсутствует единое мнение. Но позвольте и мне сказать несколько слов. В Италии вам все равно придется сражаться с римлянами, так зачем нести потери здесь, далеко от их змеинового логова? Перейдя Альпы, вы попадете в стан друзей и союзников. И мы, и инсумбры с радостью к вам присоединимся. Там у вас будет и возможность для отдыха.

— Так, а как мы перейдем Альпы без теплой одежды? — поинтересовался Ганнибал также через переводчика.

— Боги на нашей стороне. Они сильнее римских. В предгорьях живет большой народ аллоброгов. Они держат в своих руках дорогу к горам, и мимо них вам не пройти. Но у них сейчас междоусобица — двое братьев оспаривают власть над племенем. Поддержав одну из сторон, вы добьетесь быстрого успеха. А благодарный союзник передаст вам теплой одежды, которой у аллоброгов из-за суровости мест, где они живут, в избытке.

Ганнибал, до этого стоявший у стола с расстеленной на нем картой близлежащих земель согнувшись, выпрямился. Глаза наполнились уверенным блеском. По всему было видно, что он принял решение.

— Значит, все ясно, — твердо произнес он. — Соберите воинов. Надо к ним обратиться.

Офицеры бросились собирать солдат, а Карталон мысленно вздохнул. Получилось. Очевидно, что Ганнибал принял решение идти вперед. Решение смелое и рискованное, но необходимое в той ситуации, в которой они оказались. Даже победа над римлянами не решит ни одной задачи, только приведет к потерям здесь, в Галлии. А пока они будут переходить горы, римляне вполне смогут собрать достаточные силы для их встречи. Не исключено, что и второго консула отзовут с Сицилии, когда появится угроза в самой Италии.

Войско выстроилось на широкой равнине рядом с лагерем. Поблизости пущены конные разьезды, чтобы римляне не смогли неожиданно ударить. Ганнибал вышел к собравшимся.

— Друзья мои, — зычно начал он. — Вы уже наверняка знаете о том, что недалеко от нас расположилась римская армия. И вы наверняка понимаете, зачем она здесь. Римские солдаты — жалкие голодранцы по сравнению с нами. И их правительство отправило их сюда погибать для того, чтобы они задержали нас и не пустили в Италию, где Рим хранит награбленные богатства. Но мы не сражаемся с нищими. Лучше мы отправимся через горы в Италию и заберем у римлян все, что они имеют. А если это войско, которое высадилось неподалеку, захочет с нами сразиться, то мы удовлетворим его желание. Но по ту сторону Альп. Чтобы сразу после победы насладиться заслуженными трофеями. Так что я зову вас с собой — через горы!

Ответом Ганнибалу был восторженный рев толпы. Испытанное средство подействовало. Никто не хотел сражаться с римлянами прямо сейчас — нечем поживиться в их лагере. А вот беззащитная Италия — совсем другое дело. Так что добиться одобрения армии труда не составило.

— Тогда мы выступаем ночью! — прокричал Ганнибал. — Всем, кто не в караулах, отдыхать до вечера. Да прибудет с нами Ваал!

Раздалось шарканье десятков тысяч ног. Воины расходились по присмотренным местам для отдыха.

* * *

Публий Корнелий Сципион-младший пребывал в напряженном ожидании. Уже три дня минуло с момента первого столкновения с пунийцами, а сражение все никак не происходило. Более того, даже стычек, подобных первой, больше не было. Нельзя было сказать, чтобы Публий желал этого сражения, в конце концов, это серьезный риск для него лично. Но без полноценного сражения невозможно будет остановить движение Ганнибала к Альпам и дальше в Италию. А Клеон уже успел поделиться с Публием своими соображениями о том, как следует вести себя с пунийцами. В словах грека был резон, но совсем без сражения нельзя. Римские солдаты верят в скорую победу, многие из них рассчитывают к весне вернуться к возделыванию своих убогих клочков земли, иначе их семьи окажутся перед лицом голодной смерти. И они не станут разбираться в тонкостях стратегии, которую разыгрывают патриции, они увидят лишь затягивание войны, если мы не вступим в сражение и не разгромим карфагенскую армию. Тем более что сухопутная война в Сицилии, состоявшаяся в предыдущее столкновение, преподносилась у нас в народе чередой непрерывных римских побед. Вот и кажется простым людям — чего там церемониться. Разобьем пунийцев и вернемся к мирной жизни.

Здесь мы попадаем в собственную ловушку. Если верить тому, что в Сицилии были только победы, пусть они и были там в явном преимуществе, то возникнет понятный вопрос — почему провозились больше двадцати лет. А если сказать правду, то народное собрание стало бы вопить и отказываться утверждать новую войну с Карфагеном. А такая война нужна — иначе не решить вопрос о гегемонии в западной части Внутреннего моря, не утвердить торговые монополии, на которых и зиждется успешность Республики и возможность многим гражданам привольно жить, лишь продавая собственный голос на выборах. Надо же понимать, что большинство побед, если не считать взятия Акраганта и Панорма, были локальными. Что Гамилькар Барка оказался крепким орешком и сам наносил чувствительные удары. И что не заключи мы компромиссный Лутациев мир, то неизвестно, сколько бы еще продлилась война. Да и на море тоже. Регул и Вольсон одержали блестящую победу у Экнома, но сколько потом было поражений. Даже сражение у Липарских островов велось фактически с торговыми кораблями, не приспособленными для морских битв. Наивно было бы предполагать, что сейчас карфагеняне хуже готовы к войне, нежели тогда. Перед первой войной они относились к римлянам свысока, теперь подобной недооценки они не допустят. Тем более под началом Ганнибала опытные наемники, а костяк отцовского войска составляют новобранцы. Поэтому война будет долгой и тяжелой. Но и без сражения нельзя. Вот такая вот несуразность. Впору вспомнить Улисса, которому пришлось пройти между Сциллой и Харибдой. Сцилла пожрала нескольких спутников Улисса, но корабль пошел дальше — мимо Харибды, которая грозила гибелью всем. Так и отцу сейчас необходимо и дать сражение, и избежать тяжелого поражения.

А если подумать, отринув избыточный и весьма вредный для успеха в жизни гуманизм, то разорение хозяйств наших воинов нам даже на руку. У этих людей, сколько бы они ни награбили после победы над Карфагеном, не будет достаточно средств, чтобы восстановить собственные наделы, вернуться к мирной жизни и самим обеспечивать себя. А значит, они пополнят либо армию, либо ряды клиентов. И то и другое нам однозначно на руку. Наивно предполагать, что победой над Карфагеном завершится наша экспансия и борьба за гегемонию. Совсем нет — все только начинается. Понадобится и закреплять свое влияние на западе Внутреннего моря, и решать, что делать с его восточной частью. А для этого нужно много воинов. И не набираемых от случая к случаю, а находящихся в постоянной боевой готовности, размещенных в гарнизонах по всей территории, подвластной Республике. И клиентов также

нужно все больше. Ведь они голосуют на выборах всех уровней, а эти голоса позволяют избираться нужным членам партии и обеспечивать требуемую политическую направленность. Так что если некуда будет вернуться воинам после войны, то это только к лучшему. Или останутся в армии, или пополнят ряды клиентов семьи. Нам же надо поставить под контроль серебряные рудники Испании, чтобы были средства, на которые предстоит содержать и военные отряды, и правильно голосующих граждан.

Ну а пока продолжалось напряженное ожидание. Публий переговорил с Тиберием Фонтеем, возглавлявшим отряд, вступивший в первое в этой войне сражение с карфагенянами. Конечно, возможно, на Сицилии тоже уже были столкновения, но они не в счет, так как в любом случае были не с Ганнибалом. Фонтей же подчеркивал тот факт, что удалось одержать победу, но в любом случае эта стычка не имела никакого значения кроме поднятия духа молодых воинов. Кроме того, успех принесла внезапность римской атаки и безалаберность карфагенских командиров. А уже в ходе настоящей войны они навряд ли допустят подобную ошибку. Так что рассчитывать на столь же легкий путь в дальнейшем не стоит. Пока же приятно, что удалось отогнать их. Да и потери у врагов были больше. Уже после возвращения от пунийского лагеря Фонтей насчитал около двухсот трупов нумидийцев, в то время как потери римлян не превышали ста пятидесяти человек. Публия заинтересовал лагерь карфагенян.

— Он грамотно выстроен, молодой господин, — отвечал Фонтей. — Римский, конечно, им не уступит, но если пунийцы не будут беспечны, то в подобном лагере можно долго выдерживать осаду, в том числе превосходящих сил противника. Еще будучи молодым воином, я общался с ветеранами, и они рассказывали, что в предыдущей войне у пунийцев были плохо оборудованные лагеря до тех пор, пока их не возглавил Гамилькар Барка. Сейчас же карфагенскую армию возглавляет его сын, который наверняка обучился искусству строительства подобных укреплений у отца. Да и в ходе иберийских кампаний наши враги учились. Нам же многое еще предстоит постигнуть.

Большого офицер не сказал, но Публий и сам понимал, что римским новобранцам еще далеко до закаленных в боях наемников. И даже с учетом того, что и Ганнибал нанимал новых воинов для участия в походе, его новобранцы уже прошли определенную школу во время боев на севере Испании. Поэтому тренировки в римском лагере не прекращались. Они были уже далеко не столь утомительными, как в Италии, поскольку в любой момент можно было ожидать наступления пунийцев, но достаточно интенсивными, так как высший командный состав армии осознавал необходимость повышать боеспособность имеющихся сил. Но со стороны карфагенян никаких проявлений активности не было. Во время обхода лагеря отец отозвал Публия в сторону и поделился с ним своими опасениями.

— Боюсь, что мы опоздали перехватить Ганнибала. Фонтей обнаружил, что его армия уже переправилась через Родан. Давать сражение в этих условиях опасно — мы не сможем воспользоваться преимуществом нахождения за рекой. И от кораблей удаляться не хочется. Победить Ганнибала мы, скорее всего, не сможем, так что надо предусмотреть необходимость отступления к кораблям и далее в Массалию.

— Но даже такой вариант действий сможет задержать Ганнибала и помешать ему переходить Альпы при приемлемой погоде.

— Ты прав, сынок. Сейчас это максимум того, чего мы можем достичь. Но есть и еще один аспект, пусть и не столь явный.

— Какой же?

— Горы заселены совершенно дикими племенами. Они привыкли жить в тяжелых условиях и знают каждую тропу. Чем больше будет войско карфагенян, тем больший страх оно внушит этим варварам. Если же войско окажется меньше, то дальше ты все можешь понять и сам.

— Конечно, отец. Если войско будет меньше, если в нем будет много больных и раненых, то горцы могут напасть и нанести пунийцам большие потери. И нам тогда будет проще на севере Италии.

— Ты вновь прав. Я рад этому. А пока не рвись в разведку. Я дал Фонтею команду не направлять тебя и твоих друзей в караулы. На всякий случай.

Отец повернулся и ушел. Публий остался один со своими мыслями. Почему отец предложил ему не рваться в разведку? Сципион-младший и сам в нее не стремился. Зачем? Искателей приключений хватает, а он не собирается рисковать понапрасну. Наверное, отец все-таки опасается, что свойственная молодости горячность может проявиться в самый неподходящий момент. Но тут он может быть спокоен — эта горячность находится где-то очень глубоко.

Но вот тревога не оставляла Публия-младшего. Отец, возможно, и верно рассуждает, но не учитывает того, что при таком подходе инициатива в руках Ганнибала. А судя по тому, что рассказывают об этом пунийце, он умеет ею пользоваться. Публий решил поделиться своими мыслями с Гаем Лелием.

— Вот скажи мне, Лелий, — начал он. — следует ли нам отдавать инициативу в руки карфагенянам? Они же вполне могут неожиданно напасть на нас.

Он специально говорил с демонстративной веселостью и беззаботностью, представлял едва ли не самый неправдоподобный вариант развития событий. Но целью Публия было не просто поделиться тревогой с другом, но и понять его мысли. О чем думает Лелий, достаточно ли четко он представляет себе ситуацию. И, соответственно, сможет ли он давать полезные советы. Друг взял паузу, в течение которой пристально смотрел на впадавшую в море огромную реку, а затем не спеша начал рассуждать:

— Я сомневаюсь, чтобы карфагеняне на нас напали. Зачем им это? Их конница уже получила щелчок по носу от Фонтея, так что они скорее будут осторожничать. Атаковать лагерь им совсем ни к чему. Понесут большие потери с непонятным результатом. Так что атаковать нас здесь они не станут.

Правильно рассуждает Лелий. Действительно, судя по рассказам Фонтея, видевшего переправу пунийцев, они аккуратны и весьма осторожны. Да и Карталон, приехавший в отцовский дом в Риме после убийства Красавчика, произвел впечатление скорее перестраховщика, нежели отчаянного человека. Конечно, большинство патрициев, присутствовавших на той встрече, впоследствии возмущались наглостью приезжего, но у Публия скорее сложилось впечатление, что карфагенянин прикрывал этой дерзостью собственную неуверенность. Правильно делал, ведь Красавчик поддерживал добрососедские отношения с Римом, а от Ганнибала можно было ждать только войны. И прояви посланник Баркида слабость, его голову могли бы отправить в подарок в Новый Карфаген. А так он показал силу, но сделал это очень точно просчитанно. Расчет этого Карталона наверняка строился на том, чтобы донести до настроенной на войну аристократической партии Рима аналогичное стремление Ганнибала, одновременно с этим показав Баркида и его сторонников достаточно сильными, чтобы обеспечить все, что требовалось для начала схватки. Ну что же, карфагеняне тогда сделали все правильно. Но в таком случае нет никаких оснований сейчас ожидать от них авантюрных действий. По крайней мере, до того, как они докажут обратное. Но теперь надо продолжать разговор с Лелием.

— Но раз ты считаешь, что атаковать нас они не станут, то они должны уйти к горам. Ведь им нет никакого смысла оставаться на месте в Галлии по эту сторону Альп.

— Это так, — ответил Лелий. — Они пойдут к горам и попытаются их перейти.

— А вот тут я с тобой не соглашусь, — заметил Публий. — Они не пойдут к горам. Они уже к ним ушли, пользуясь тем, что мы патрулируем лишь ближайшие окрестности нашего лагеря, отдав им инициативу.

— То есть ты считаешь, что твой отец допустил ошибку, извини?

Вот этого не стоило другу говорить. Отец, конечно, ошибся, но не Лелию судить об этом. И тем более не в разговоре с Публием. Член семьи Сципионов никогда не признает ошибку главы семьи. Да и любого другого члена фамилии — навряд ли. Но суть друг правильно понял. Когда инициатива у противника, и не важно, идет речь о войне или о политике, ты в ведомой позиции, зависишь от его действий. И если он умел, а пока не было особых поводов подозревать Ганнибала и его штаб в обратном, то сможет этим воспользоваться. Здесь надо навязывать свою волю, а отец на это не решился.

— Я хочу сказать, Лелий, что инициатива в руках Ганнибала и он может ею воспользоваться.

Публий произнес последнюю фразу намеренно ледяным тоном, чтобы Лелий понял собственную ошибку. Не ему, всем обязанному семейству Сципионов, критиковать ее представителей, тем более лидера. Лелий явно все понял и попробовал немедленно загладить вину.

— Может быть, тогда стоит предложить более дальнюю разведку? Ты знаешь, я ведь очень неплохо владею лошадьё. Могу попробовать подобраться к лагерю Ганнибала и все разузнать.

— Не надо таких предложений. Я дорожу тобой и не хочу потерять в бессмысленной стычке. Шансов сложить голову у нас будет еще предостаточно.

Вот так правильно. Показал дистанцию, но затем и продемонстрировал доброе отношение. Так эти плебеи будет вернее служить. А разведывать в карфагенском лагере наверняка уже нечего. В Цизальпинской Галлии же мы точно пунийцев опередим. Мы сможем прибыть туда морем гораздо быстрее, чем эти африканцы, которым придется лезть в горы.

Ясность наступила на следующий день, четвертый после столкновения с пунийцами. Консул потерял терпение, ожидая действий от Ганнибала, и, вызвав Тиберия Фонтея, потребовал с большим отрядом всадников отправиться на детальную разведку обстановки. По войску объявили приказ быть в полной боевой готовности. Ну наконец-то отец решился действовать, думал Сципион-младший. Давно пора. Но только наверняка в лагере Фонтей не найдет ничего.

Разведчики вернулись совсем скоро. Фонтей скакал во весь опор, но при этом не оглядывался, как наверняка бы сделал в случае преследования со стороны врагов, тем более таких искусных наездников, как нумидийцы. Публий, специально слонявшийся рядом с лагерными воротами, увидел офицера заранее и постарался перехватить по пути к преторию. Но Тиберий ограничился односложным ответом, сказав лишь: «Они ушли, никого нет», и отправился к консулу.

Ну вот, все получилось именно так, как предполагал Публий-младший. Отец отдал инициативу в руки пунийцам и проиграл этот ход. Имеет ли смысл пытаться догнать их? Для этого надо понимать, ушли ли они налегке или нагруженными, а также когда они оставили свой лагерь. Но учитывая, что римское войско расположилось поблизости, сомнительно, чтобы они взяли с собой много вещей. Ганнибал будет опасаться удара в спину и предпочтет идти быстрым маршем. Но когда же он ушел? Эх, не было организовано достойной разведки, а могли бы быть в курсе действий карфагенян. Это наука на будущее. Но сам Публий на месте Баркида вышел бы не позднее, чем на следующее утро после столкновения с римлянами. Тогда он уже идет к горам два-три дня. Опасно пытаться догнать его. Уставшее и неопытное войско будет разбито наемниками пунийца. И на кораблях тогда не спастись. Нет, надо отправляться в Италию и встречать врагов уже там. Это очевидно. Но какое решение примет отец? Что-то уж очень долго длится совещание в претории.

Из размышлений юношу вывел вестник, прибежавший к нему от отца.

— Легионер Сципион, тебя вызывает консул, срочно! — прокричал он прямо в лицо Публию.

Ну зачем так орать, да еще и брызгать слюной. Как будто бы он не отправится к отцу со всей поспешностью, на которую способен. Но пришлось демонстративно бежать, дабы никто не мог обвинить его в использовании родственных связей, а отца в излишней мягкости.

Когда Публий вошел в преторий, отец обратился к нему без каких-либо предисловий.

— Ну что, сын, попрощайся с дядей. Судя по всему, расстаетесь вы надолго, так что он выразил желание дать тебе напутствие.

— Но что случилось?

— Я отправляюсь в Испанию, — с улыбкой ответил Гней Корнелий Сципион Кальв. — Консул посылает меня в качестве легата и дает крупное войско. Будем пытаться отбить эту страну у карфагенян.

Интересно, а большое войско — это какое? В распоряжении отца совсем не огромная армия. Это расчет на то, что поддержат иберы? Или какой замысел сформировался в голове отца?

Видя замешательство сына, Публий Корнелий Сципион-старший с добродушной усмешкой сам объяснил ему происходящее:

— Дядя отправится в Испанию практически со всей армией, которая была в моем распоряжении. Со мной останется команда на три корабля. На двух мы отправимся в Цизальпинскую Галлию, где примем легионы преторов. А еще на одном Клеон отправится в Рим с моим приказом о необходимости дополнительного набора воинов в легионы. Даже если Ганнибал сможет перейти горы, он потратит на это очень много времени, а потому мы сможем обучить новобранцев. У Тиберия Фонтея богатый опыт, так что он справится.

Интересное решение. Публий-младший обнялся на прощание с дядей, но голова его была занята совсем другими мыслями. Отец, конечно, допускает ошибки, но очень быстро ориентируется. Тут самому Публию еще учиться и учиться. Вот так быстро сообразил, как ударить по Карфагену. Ведь даже если получится быстро разбить Ганнибала, то сам Карфаген фактически нетронут. То есть пунийцы могут набирать и обучать новую армию, пока мы будем гоняться за Баркидом по всей Цизальпинской Галлии. И чтобы помешать им, надо выбить из рук их главное оружие — финансовое. Захватить испанскую кладовую, перекрыть тот бесконечный поток серебра, который течет в Карфаген и позволяет находить воинов со всего мира. С этой задачей направляется дядя. И, конечно, если у него получится победить, он расставит наших людей управлять рудниками. А уж войск в Италии набрать отец сможет, в этом нет сомнений. Действия, которые можно назвать практически гениальными.

Сразу после того, как консул отпустил собравшихся, в лагере развернулась лихорадочная деятельность. Фонтей распределял людей по кораблям и наставлял других офицеров. Он сам оказался единственным из них, кто отправлялся обратно в Италию, а потому стремился максимально эффективно распределить обязанности между остальными, дабы они смогли в дальнейшем действовать самостоятельно.

Уже на корабле, где все равно солдатам делать было нечего, Публий заговорил с Фонтеем:

— Как ты думаешь, Фонтей, получится ли успеть набрать и обучить новых солдат?

— Трудно сказать, молодой господин. Набрать — да. Насколько я понял, к набору подключатся банды Авентина. Они должны убедить людей идти в армию. А вот обучить — тут сложнее. Но, возможно, в обучении не будет надобности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.